

АНАТОЛИЙ ЗАРЕЦКИЙ

**НА ИЗЛЕТЕ, или В брызгах
космической струи**

КНИГА ВТОРАЯ

Анатолий Зарецкий

**НА ИЗЛЕТЕ, или В брызгах
космической струи. Книга вторая**

«Издательские решения»

Зарецкий А.

НА ИЗЛЕТЕ, или В брызгах космической струи. Книга вторая /
А. Зарецкий — «Издательские решения»,

«Круглый идиот», — подумал я. С таким идиотизмом вряд ли подумаешь о других людях, даже близких. Как же! Ты вышел в астрал, ты поднялся над людьми, ты можешь знать прошлое Человечества в деталях. Интересно, а как насчет будущего? Наверняка и здесь есть перспективы, иначе зачем весь этот огород? А что же Валя? Это теперь всего лишь сущность. А тогда причем здесь скорбь?.. Что ж, похоже, это лишь мой удел — всю оставшуюся жизнь оплакивать мою Королеву, мою Валю-Валентину.

© Зарецкий А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 14. НПО «Энергия»	6
Глава 15. Оттохондроз	19
Глава 16. Командировки	30
Конец ознакомительного фрагмента.	44

**НА ИЗЛЕТЕ, или В брызгах
космической струи
Книга вторая
Анатолий Зарецкий**

© Анатолий Зарецкий, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 14. НПО «Энергия»

Наконец объявили, что техническое задание на разработку нового изделия поступило в архив, но выдавать будут строго по списку. Мы с Кузнецовым в списке значились.

Для начала заказали раздел «Испытания и эксплуатация». С удивлением обнаружили, что это переизданный один в один наш том предложений. Странно было видеть тот шикарный документ в невнятном архивном исполнении. Жуткая светокопия на синьках, с подписями и печатями. Как ни старался, подпись исполнителя документа так и не разобрал. Впрочем, если разобраться, какой он исполнитель...

Зато четко читалась подпись лица, проверившего документ – Макаров. «Уж ни тот ли это лейтенант Макаров, который писал ответы на все мои рапорты об увольнении из армии? Или в каждом заведении министерства обороны есть по своему лейтенанту Макарову на все случаи жизни?» – размышлял, просматривая документ.

Нет, изменения все же были. Стало очевидным, что в документе остался лишь вариант РЛА-130А. Простенько и со вкусом. Итак, ближайшие перспективы нашей отрасли определились, и они вовсе не радужные...

Вскоре индекс РЛА исчез навсегда. Военные присвоили свои кодовые обозначения всем компонентам космической системы...

Неожиданно нас накрыл бумажный вал служебной переписки. Все запрашивали друг у друга исходные данные, без которых не мыслили своего дальнейшего творческого существования. Но никто, кроме проектантов, ничего выдать не мог в принципе. А от Службы главного конструктора пока поступали лишь документы организационного плана в виде заведомо невыполнимых графиков работ.

Как-то раз в отделе появился Шульман. Ему требовался ни много, ни мало алгоритм работы всех бортовых и наземных систем. Без этого он, якобы, не сможет выдать задание на разработку АСУ.

– Шульман, – кипятилась Ростоккина, – Ты спешишь впереди паровозного гудка. Нет никаких систем, и даже их разработчики еще не назначены. Какой тебе алгоритм?

Зашел к нам и озабоченный Мухаммед.

– Кузнецов, вы тут с Зарецким занимаетесь новым изделием. Скажи, какие графики от меня требуют? Я понятия не имею, что за изделие, а им подавай графики его подготовки, да еще на всех позициях.

– Не бери в голову, Мухаммед. Ответь, что в стадии разработки.

– Какой разработки? У меня и в планах ничего нет – возмутился Мухаммед и бежал в свою комнату заваривать чай.

Чай он пил постоянно, запивая им какие-то таблетки. Когда же увидел, как он его заваривал, все стало ясно. Типичный «чифирь», который потребляют зэки на зоне вместо недопустимого алкоголя. Потребляя галлоны такого стимулятора, Мухаммед непрерывно выдавал рулоны сетевых графиков. Он был мозгом этого предприятия.

Он отбирал информацию по всему КБ буквально из воздуха, точнее из телефонной трубки, которая почти всегда была на его плече. Говорил с кем-то невидимым, а карандашом быстро-быстро чертил эскиз будущего графика. Истошив собеседника, Мухаммед набирал номер другого, свеженького, уточняя и уточняя свое произведение.

Эскизы он рисовал потрясающие. В них было все: длина каждой линии в миллиметрах, размер каждой стрелочки и каждого кружочка, надписи над стрелочками с указаниями размера шрифта и так далее.

Эскиз листа тут же поступал к Соболеву, который брал подготовленный кем-то из группы стандартный лист с рамочками и штампиками и размечал его в полном соответствии с размерами на эскизе.

Размеченный лист вместе с эскизом переходил к Четверкину. Тот быстро по трафарету наносил все кружочки и стрелки, проводил линии.

Затем эстафета переходила к Свете Шевченко. Она красивым почерком также быстро вносила все надписи и возвращала эскиз с готовым листом Мухаммеду.

Тот, хмыкая, просматривал лист, даже не сверяя с эскизом. Память у Мухаммеда была феноменальной. Наконец, он делал какие-то уточняющие правки в эскизе и снова передавал его Соболеву. А непрошедший экспертизу лист тут же уничтожал.

Работал потрясающий конвейер по производству сетевых графиков. И он работал безостановочно...

Я помню Мухаммеда еще по полигону. Обычно он сидел рядом с руководителем работ и контролировал, чтобы тот работал строго по его сетевому графику, который лежал на столе руководителя.

Если все вдруг складывалось по-другому, Мухаммед мгновенно выдавал новый график. Словом, он был известной и даже в какой-то степени легендарной личностью. Кто-то из сотрудников однажды посвятил Мухаммеду целую поэму.

Я запомнил лишь один из куплетов, в котором запечатлен момент его прилета на полигон накануне очередного неудачного пуска ракеты Н1.

С рулоном бумаги и сводкой —
Невольный Творец наших бед —
По трапу нетвердой походкой
Спускается наш Мухаммед.

Вскоре группа Мухаммеда подключилась к новой тематике, и какое-то время он, уже без всяких телефонов, часами интервьюировал нашу троицу, накапливая информацию, которая хоть в чем-то могла быть полезной для его графиков.

На одном из собраний отдела Бродский объявил, что на базе ЦКБЭМ и ряда смежных предприятий создано научно-производственное объединение. Всех нас автоматически переведут в новую организацию – в Головное конструкторское бюро НПО «Энергия».

Генеральным директором и Генеральным конструктором объединения назначен Валентин Петрович Глушко. Наш Шабаров также автоматически повысился, став еще и заместителем Генерального директора.

Мы с Кузнецовым понимающе переглянулись. Буквально накануне мы обсуждали подобную перспективу. Тогда до нас дошли слухи о предстоящей реорганизации ЦКБЭМ и о как-то связанном с этим странном названии «Энергия».

– Знаешь, Толя. Глушко свое КБ не бросит. Да и они без него никуда. Вот посмотришь, придумает какое-нибудь объединение... Заодно и свой статус повысит... Король всех от себя разгонял, новые КБ создавал. А этот объединять будет. Вот посмотришь...

– А зачем ему это?

– Как зачем?.. Кто он сейчас?.. Преемник Короля... Всего-то... А так будет создателем нового объединения... И переплюнет Короля... Только кажется мне, Толя, ничего из этого объединения не выйдет. Не дадут Глушко делать всю программу «Буран». Для этого и название объединения придумали «Энергия». Непроста все это, – загадочно улыбался Кузнецов.

– И в чем же хитрость?

– Кому-то оставят «Энергию», а кому-то дадут «Буран». Только и всего.

– А смысл?

– Деньги, Толя... Бюджетные деньги... Королю давали, сколько просил, да и то не всегда. Особенно, когда появились мощные конкуренты... А Глушко?.. Для многих он так и остался двигатelistом... Ракетчиком его уже не воспринимают. Даже на месте Короля... У Мишина и то в этом плане полегче было – все-таки прямой преемник. Не завалил бы Н1, далеко пошел... Хотя, от него мало что зависело... Так что, Толя, помяни мое слово, получим только носитель, – закончил излагать свои измышления мой мудрый наставник.

Еще тогда мысленно согласился с его предположением, каким бы странным оно ни показалось. И вот оно, похоже, реализовалось в спрогнозированном объеме. Название «Энергия» нам обоим уже показалось символическим.

Увы... Полный объем дробления функций мы не смогли даже представить в своих самых буйных фантазиях или просто увидеть в кошмарном сне.

Вскоре стало известно, что космический самолетик будет делать КБ Лозино-Лозинского. Это, положим, нас не удивило. Но постепенно выяснилось, что «новое» ГKB осталось не только без самолетика, но и без носителя.

Боковушку будет разрабатывать КБ «Южное», даже не входящее в НПО, а центральный блок – КБ Пензина.

– А что же нам досталось? – спрашивали друг у друга в курилках обеспокоенные работники ГKB и сами же отвечали, – Общее руководство и курирование.

Кое-что все же перепало и ГKB, причем даже на самолетике. Нашлось применение и блоку Д, а потому кроме группы Мухаммеда, которую волей-неволей подключили к нашей работе, никто из отдела вливаться в новую тематику не спешил. И наша спаянная непопулярной работой тройка по-прежнему тонула в море переписки.

К лету бумажное море отступило – то ли пишущие устали от своих бесплодных просьб дать им то, что еще даже не имело названий, то ли весна заставила бросить все и вспомнить о грядущих летних отпусках.

Как бы там ни было, но у нас с Кузнецовым вновь появилось время для задушевных бесед, причем как на рабочем месте, так и в нашем любимом – у серебристых елей.

Мы все чаще стали навещать наших проектантов, с интересом узнавая новости по нашей тематике. Только там мы могли наблюдать, как постепенно менялся облик создаваемого изделия, как уточнялся состав его агрегатов и систем, задавались их функции и характеристики.

Там же уточнялись и нелепые графики. Вот и нереальный срок первого пуска – семьдесят девятый год – уже заменили таким же нереальным восемьдесят первым.

– За пять лет двигатель не сделают, – уверял Кузнецов Иванова, внимательно изучив график.

– Да они уже работают вовсю, – возражал Иванов.

– Как же, как же, – оппонировал Кузнецов, – Полгода назад резво срисовывали у нас движки Н1.

– А они бумагу прислали, что уже сделали макетный двигатель.

– Из бумаги и сделали, – рассмеялся Кузнецов, – В лучшем случае деревянный. Макет он и есть макет. Но глянуть не помешает.

Вскоре мы действительно увидели макет самого мощного в мире ракетного двигателя. Как ни странно, выполнен он был в основном в металле. Понятно, что подходящую арматуру для него взяли от других двигателей, кое-где было, разумеется, и дерево, но для макета это нормально.

От старых знакомых узнали о курьезе, связанном с компоновкой. Когда вся документация уже была готова, выяснилось, что двигатель скомпонован без учета места для размещения

теплоизоляции. Компоновщики попросту забыли, что двигатель должен работать на криогенных компонентах топлива. Из-за этого промаха едва ни сорвали сроки изготовления макета.

Переговорив с коллегами, Кузнецов лишь укрепился во мнении, что двигатели будут готовы к установке на ракету не раньше восьмьдесят шестого года.

Наконец объявили, что ГKB приступает к разработке эскизного проекта МКС «Буран». Из Службы Главного конструктора поступили графики выпуска документации, и нашей команде поручили разработку технических условий на «Буран», ракету-носитель и ее блоки.

– Что за технические условия? Сроду таких документов не выпускали, – возмутился Кузнецов.

– Вы и эскизных проектов не делали... Откуда вам знать, – не преминул уколоть его Мазо, – Работали, как партизаны. ЕСКД не соблюдали, нормативную документацию игнорировали. Потому и Н1 не полетела.

– Что ты болтаешь, Мазо? – возмутился Кузнецов, – Нормативы создают на массовую продукцию, а мы всегда делали штучную. А ты еще какую-то ЕСКД приплел.

– Не какую-то, а единую систему конструкторской документации. Ты и этого не знаешь, Кузнецов?.. Где же тебе тогда знать, что такое технические условия, – продолжал кусаться Мазо. Вся комната притихла, прислушиваясь к словесной дуэли непримиримых врагов.

– Дурак ты, Мазо, – не выдержал Кузнецов, – Такие как ты даже по нормативам никогда ничего не сделают... Не дано... Вот и учи свои нормативы... А там вот нет огневых технологических испытаний ракетных блоков... Нет и все. И как быть? Ответь, Мазо.

– Надо будет, сделают, – как ни странно, проглотил оскорбление Мазо.

А может, потому и проглотил, что Кузнецов попал в точку?.. Ведь в отличие от Разумовского, реально помогавшего нам в работе, от Мазо мы так и не услышали ни одного предложения и ни одного замечания. «Я вам доверяю... Хорошая позиция», – размышлял я, еще не подозревая, что совсем скоро мне придется участвовать в разработке отраслевого стандарта на те самые огневые технологические испытания...

Не знаю, почему, но Кузнецов так и не приступил к разработке технических условий. Я, как обычно, с головой ушел в работу. Но теперь работал в одиночку. Иногда пытался показывать материалы Кузнецову, но он обычно отмахивался:

– Позже посмотрю. Да и чем я тебе помогу? Ты лучше меня все знаешь. Я лучше вздремну.

И через минуту действительно раздавалось его мерное посапывание.

– Зарецкий! Разбуди своего друга, – крикнул мне как-то Мазо, – Совсем обнаглел. Спит на работе, – добавил он и вышел из комнаты.

Я оглянулся. Кузнецов действительно крепко спал, полуразвалившись на столе.

– Да тут обстановка такая, что глаза сами закрываются. Хоть распорки ставь, – обернувшись, сказала Галя Жарова, сидевшая передо мной прямо напротив окна.

– Тебе хорошо, Галя, – подключился Гурьев, – Тебя не видно. А я сижу прямо напротив начальника. Даже если спички в глаза вставлю, голова как у Кузнецова то и дело падает.

– А вы ее на шнурке к потолку прикрепите. Только будет падать, шнурок вас разбудит. И со спичками великолепная идея, – пошутил я.

– Да-а-а... Представляю картину, – рассмеялась Галя, – У всех головы на шнурках болтаются, а в глазах распорки.

– Какие распорки? – проснулся Кузнецов под дружный смех всей комнаты.

Пока пытался представить себе облик новых изделий с позиций эксплуатационника и четко изложить свои представления в разрабатываемом документе – в технических условиях, отвлекался настолько, что порой забывал об обеде, а иногда не замечал, что подошел конец

рабочего дня. Но в «чайных» перерывах и во время пятиминутных пауз после часа работы изредка чувствовал, что вокруг идет какая-то странная закулисная суэта. Бегал Мазо с какими-то списками, к нему заходили «ходоки», которые, очевидно, были в курсе дела. Как-то раз подошел Мозговой и, наклонившись к Мазо, зашептал:

– А что, разве секретарю парторганизации нельзя хоть двадцатку подкинуть? С должностью не выходит, так хоть двадцаточку?

– Да уже все распределено, Олег... Ничего не получится.

– Как распределено? Еще на профкоме не обсуждали. Да и партия молчать не будет. К нам тоже придете.

– Ладно-ладно... Попробую. Иди, работай, – так же шепотом ответил Мазо.

– Что это они там делят? – спросил у Кузнецова, по-прежнему дремавшего за столом, а потому вряд ли что разобравшего.

– Должности и прибавки к жалованию, – четко ответил Владимир Александрович. «Значит, тоже слышал. Не спал», – подумал я, – Кто-то работает, а кто-то коврижки делит, – мрачно дополнил он.

А после обеда к нам зашел Миша Бычков.

– Представляете, – начал он свой рассказ, – Зашел к нам Мазо. О чем-то потолковал с Гарбузовым... А тут вдруг являются Бродский с Разумовским. Бродский и говорит Мазо, есть, мол, еще двадцатка на ваш сектор. А тот ему, в секторе нет достойных... Представляете, так и сказал, нет достойных... Тут Мозговой вскочил. Как это нет, спрашивает... Ну, Мазо ему что-то шепнул, тот затих. А Юрий Константинович тут же эту двадцатку перехватил в свой сектор. У меня, говорит, все достойные... Вот умница... Потому его весь коллектив обожает.

– Да не только потому, – поддержал Кузнецов, – Он мужик грамотный. И дело свое знает. И руководит, а не командует, как некоторые... Нет у него достойных, видите ли... Один он достойный, – заворчал он.

Когда Миша ушел, Кузнецов обратился ко мне:

– Толя, мне теперь все равно. Я от вас скоро уйду. А ты подойди к Бродскому. Сколько тебе сидеть на минимальной ставке? Если тут кто достойный, так это ты. А не подойдешь, так и останешься на бобах.

– Не пойду я, Владимир Александрович. Вот за вас бы попросил, а за себя, неудобно.

– Не прав ты, Толя. Бродский сам ничего не даст. Не просишь, значит, не нуждаешься. Это его правило. Я знаю... Иди, Толя.

Я долго колебался, не в силах преодолеть свои представления о справедливости. Мне всегда казалось, главное это работать в полную силу. И тогда твою работу всегда заметят и отметят по справедливости. Так было в школе. Так было на заводе и в училище. Так было и в армии, по крайней мере, мне так казалось. А просить за себя? Это было выше моих сил. «Достоин повышения, повысят. А не достоин, проси, не проси, бесполезно», – рассуждал я, прохаживаясь по коридору вблизи кабинета Бродского.

Прохаживаясь, случайно услышал, как Гарбузов сообщил Мозговому, что его вопрос решен. Похвалился он и своей прибавкой. Узнав, что человеку, лишь полгода назад назначенному на должность, прибавили двадцать рублей, я тут же отбросил все колебания и решительно направился к Бродскому.

– Эмиль Борисович, – сходу обратился к начальнику отдела, – Вас устраивает моя работа?

– Конечно, а в чем дело?

– Я достоин повышения? Если не в должности, то хотя бы в зарплате?

– Разумеется, достоин.

– А почему меня нет в тайных списках на повышение?

– Кто это тебе сказал?

– Мазо заявил об этом при вас и Разумовском. Так и сказал, в его секторе нет достойных.

– Иди, работай, Анатолий. Есть ты в тайном списке, – улыбнувшись, успокоил Бродский. Внес ли он меня в список после того нашего разговора, или я действительно там был, так и осталось загадкой. Но когда оглашали приказ, Мазо удивленно вскинул брови, зачитывая мою фамилию и размер прибавки – тридцать рублей. Судя по всему, он явно был не в курсе...

Прибавка оказалась кстати.

– У нас есть возможность съездить на выходные в Прибалтику, – сообщила свою новость жена, – Маршрут Каунас-Вильнюс. Платит профсоюз.

– Езжай, – поддержал я.

Мы часто ездили по Подмоскovie от ее организации. То в Суздаль, то в Ростов Великий, а то и совсем недалеко – в Загорск. Мне нравились те поездки. Нравились простые ребята – монтажники. В дороге всегда было весело. Все шутили, рассказывали анекдоты. А после экскурсии непременно устраивали «пикник на обочине». Становилось еще веселее. И все в рамках приличия. В том коллективе постепенно стал своим человеком.

Увы. У нас подобных поездок не было. Впрочем, может они и были, но на нашем уровне о них никто ничего не слышал.

– Есть возможность съездить вдвоем. Но за тебя надо заплатить тридцать рублей. Ты же у нас не работаешь.

– Давай заплатим, – предложил я.

– Тридцать рублей, – повторила Татьяна, – А жить потом на что?

– Не беспокойся, – успокоил жену, – Со следующего месяца буду получать сто девяносто.

Мне как раз тридцатник прибавили. Сегодня приказ зачитали.

Вопрос о нашей поездке мгновенно был решен. Но в ту поездку мы отправились не вдвоем, как собирались, а вчетвером. Сначала выяснилось, что с нами едет давняя подружка Татьяны – Нина. Я знал ее еще по Казахстану. Собственно, она была вместе с Таней в той самой паре «неразлучников», с которой мы с моим соседом по гостинице дистанционно познакомились еще в первые дни нашего пребывания на полигоне. И лишь через два года состоялось мое настоящее знакомство и с Таней, и с ее подругой Ниной.

У нас уже росла наша Светланка, а Нина все еще была не замужем. И у Тани возникла мысль познакомить ее с кем-нибудь из нашей молодежи, пригласив в эту поездку. У меня на примете был лишь один вариант – Боря Захаров. Он появился у нас в качестве молодого специалиста вместе с Колей Емельяновым, когда мы еще сидели в помещениях цеха.

Боря – местный, из Подлипок – на работе пока ничем себя не зарекомендовал. Работал он в паре с Гурьевым. Правда, как-то странно. С утра приносил из архива кучу документов, отдавал их Гурьеву и сидел, читая из ящика стола художественную литературу. Вечером сдавал документы и прямо из архива шел домой. Возможно, мне это только показалось, но Борю, читающего документы, заметил лишь на новом месте. В целом же он был неплохим парнем без вредных привычек.

Коля – родом из Вильнюса. Внешне невзрачный, он выделялся неумной энергией и модной одеждой. К нему быстро прилипло прозвище «Шарнир» – настолько он был подвижным, даже когда сидел на рабочем месте. А голубой джинсовый костюм надолго стал его визитной карточкой. Все уже знали, что его папа – замминистра хоть и маленькой, но республики. А потому они быстро сошлись с Мазо, оба склонные к чиновничеству и мелкому подхалимажу. Нашелся у них и общий интерес – любовь к джазу. Коля тут же завалил Мазо редкими звукозаписями. Все чаще их можно было видеть в коридоре, где они что-то оживленно обсуждали. При этом Коля непрерывно жестикулировал и всем телом извивался как в танце, оправдывая свое механическое прозвище. А в их разговоре четко выделялось смачное словцо «джяс», которое оба произносили как-то по-особенному, с придыханием. Вскоре молодой специалист уже во всем подражал начальнику сектора. По телефону говорил властным тоном,

с напускным раздражением, а завершал разговор, как и Мазо, метким броском телефонной трубки на вилку аппарата.

– Коля, что это ты народ будишь своим грохотом? – спросил его как-то Кузнецов, – Ну, ладно Мазо. Он начальник, а ты прыщ на ровном месте, а туда же. Кончай ломать телефоны!

– У меня привычка такая, – попытался оправдываться Шарнир.

– С каких это пор?.. Как заделался обезьяной?

– Какой обезьяной?

– Да ты, Коля, уже почти копия Мазо, только мелкая, карикатурная. С нас и одного мазо хватит. Ты уж лучше найди другой пример для подражания, – закончил Кузнецов под дружный смех присутствующих.

Критика была воспринята, и издевательства над телефонной трубкой прекратились. Емельянова определили в группу Бойкова, и после переселения он на время исчез с нашего горизонта. Каково же было удивление, когда я как-то раз зашел в их комнату и вновь услышал характерный звук бросаемой трубки.

– Емельянов! Ну, ты в своем репертуаре... Опять трубки бьешь, – заметил я.

– Не только трубки. Он уже новый аппарат разбил. Старые они закаленные. А тот за месяц доконал, – поделился Миша Бычков, – Сколько ни говори, а мазо из него уже не выбьешь.

В том путешествии я впервые ехал на запад. Мы выехали в четверг вечером, а утром, когда проснулся, поезд уже стоял на какой-то литовской станции. Глянув в вагонное окошко, особых отличий не обнаружил. Лишь народ заметно крупнее, светлее и лучше одет, чем в российской глубинке. Опять-таки в среднем, ибо, как и повсюду, в семье не без уroda. Были ли эти уроды местными жителями или приезжими, болтающимися на станции в ожидании пересадки, трудно сказать. Но разница в уровне жизни сельского населения была очевидной.

В Каунасе, куда прибыл наш поезд, мы легко бы затерялись среди местных, если бы ни наша русская речь. Стоило заговорить, на нас сразу обращали внимание. Я впервые почувствовал себя иностранцем.

Нас поселили в гостинице «Балтия», и, накормив комплексным обедом в ресторане, который был таковым лишь вечером, повели осматривать городские достопримечательности.

Понравился чистенький город, его мощенные плиткой тротуары, обилие яркой зелени, и тщательно сохраненная старина. Здесь я открыл для себя замечательного художника и композитора Чюрлениса.

И еще поразила тактичность экскурсовода исторического музея, который рассказал, как Каунас был разрушен его давними врагами-крестоносцами, воспользовавшимися отсутствием рыцарей, ушедших в далекий поход. Он ни слова не сказал о том походе. Слушая его рассказ, отошел от группы и на противоположной стене увидел карту. На ней были отображены все детали того похода польско-литовских войск, захвативших Москву, бродивших с Сусаниным в Костромских лесах и, наконец, вернувшихся в разоренный родной Каунас.

Понравилось водохранилище на реке Неман, гордо названное Каунасским морем. А особенно – лесной массив на его берегу, где впервые увидел деревья, стволы которых можно было обхватить лишь вдвоем.

И еще Каунас запомнился первой серьезной размолвкой с женой, которая случилась буквально на пустом месте. Дело почти дошло до развода. А я впервые задумался над тем, как же хрупки супружеские отношения, если их так легко разорвать даже после стольких лет испытаний. Со временем привык к любым громким заявлениям жены, которая в ссорах с легкостью бросалась любыми словами, но тогда это случилось впервые.

В один из вечеров мы посетили ночное заведение Каунаса. Там давала представление какая-то местная группа. Все песни исполнялись исключительно на литовском языке под танцевальное сопровождение двух полураздетых девиц, что в то время было необычно. К тому же

все это мероприятие почему-то называлось стриптизом. А потому с нас взяли приличную сумму, как за ужин, так и за представление.

Конец вечера завершился танцами. Что это были за танцы! Пары кружили, профессионально выписывая замысловатые фигуры. Ими можно было любоваться. Никто из нас не рискнул влиться в группу танцующих. Неожиданно Татьяна заявила, что хочет танцевать. Объяснил ей, что мой начальный уровень подготовки вызовет лишь насмешки присутствующих. Никакие объяснения ее не убедили. Это был каприз. Но когда мы решились, танцы неожиданно прекратили.

Весь оставшийся вечер Татьяна не разговаривала со мной и ушла ночевать к подругам, заявив перед уходом, что в Москве подаст на развод.

Ночью мне снились мои обычные кошмары. А под утро приснилась Людочка.

– Ну и пусть подает, – успокаивала она, – Тогда мы сможем, наконец, с тобой пожениться. Я же твоя невеста вот уже много лет, – убеждала она.

– Людочка, но ты мне только снишься. Мы никогда не сможем быть вместе, – неуверенно возражал, любуясь моей красавицей-невестой, при этом, ясно осознавая, что сплю.

– Ну и что. Я буду приходить к тебе во сне, и мы вместе будем воспитывать нашу Светланку.

– Людочка, какую Светланку? Твоя сестричка уже взрослая девушка, а моя дочь останется с матерью. И она сделает все, чтобы не допустить никаких встреч с ней.

– Светланка наша дочь, а потому ее оставят тебе, – уверенно сказала Людочка и как всегда медленно растаяла.

– Людочка! Людочка! – громко закричал я и проснулся в слезах.

– Ты что так кричишь? – спросил кто-то невидимый с кровати Тани. Это была ее подруга Нина.

– Нина, а где Таня? – спросил, приходя в себя.

– Спит на моей кровати. Вот пришлось перебираться сюда. Ты, говорит, не опасный... Дура Танька. Забыла, что я опасная.

Я рассмеялся:

– А Боря?

– Что Боря? Он не мой идеал. Ничего у нас не получится, Толик. Он совсем не в моем вкусе.

– Нина, что мне делать?

– Ничего. Перебеситесь, и помиритесь, – успокоила Нина.

Когда проснулся, Нины уже не было. Вскоре пришел Боря.

– Пошли в пивбар. Отойдем после вчерашнего.

– Разве они работают так рано?

– Да уже полдень. К тому же воскресенье. Должны работать.

Мы поискали Татьяну с Ниной, но их уже нигде не было. Пивбар был полупустым, но свободных столиков не было. Куда бы ни пытались примоститься, нам объявляли, что здесь занято. Мы явно были чужими в этом пивбаре. И когда уже хотели уходить, два молодых парня, переговорив по-литовски, предложили сесть за их столик. Едва сели, у нас тут же приняли заказ.

– Откуда вы? – спросил старший, пододвигая нам по кружке пива.

– Из Москвы, – ответил я, – Спасибо. Нам сейчас принесут, – показал я на пиво.

– Пока принесут, пейте. Потом отдадите. А еще советую, закажите фасоль в горшочках. С пивом пойдет великолепно, – посоветовал он. Так и поступили.

А вскоре уже разговаривали, как старые друзья. Веселили друг друга анекдотами, обсуждали любые вопросы, включая межнациональные.

– Ты на поляка похож, – сообщил парень, – А мы поляков не любим, как и русских. Потому вас никто за свои столики не пустит. Я тоже не люблю, но надо еще и на людей смотреть. А вы ребята нормальные, – пояснил он.

А я припомнил эпизод в первый день нашего пребывания в Каунасе... Мы подошли к газетному киоску. Нас интересовали открытки и путеводитель по городу. Киоскер, пожилой мужчина, едва слышав русскую речь, отвернулся и стал наводить порядок в своем хозяйстве.

– Можно посмотреть путеводитель? – попросила Татьяна.

– Не понимаю по-русски, – сердито ответил киоскер и снова отвернулся, явно не желая нас обслуживать.

– Шпрэxen зи дойч? – экспромтом подключился я, даже не представляя, что говорить дальше. Ведь немецкий я давным-давно позабыл, изучая английский. «Надо было спросить по-английски», – мелькнула запоздалая мысль.

– О-о-о! Йа-йа! – радостно метнулся к окошечку киоскер, восторженно разглядывая меня. Я же, порывшись в памяти, неожиданно выдал довольно длинную фразу, сохраняя при этом, насколько мог, серьезное выражение:

– Ихь хэтэ гэрн айнэн райзэфюрэр фон Каунас... унд айнэн штатплан.

– Битэ, битэ, – засуетился явно старый прислужник гитлеровцев, демонстрируя товар. А в стекле киоска отражались расплывшиеся от беззвучного смеха лица моего сопровождения. И я понял, что больше ничего не смогу сказать по-немецки, не рассмеявшись. И перешел на ломаный русский:

– Зколко рубли?... Вас костэт дас? – вспомнил я вопрос.

– Эс ист айн гэшэнк – ответил он понятной фразой, ведь слово «гэшэнк» так часто употребляли мои немецкие друзья из лагеря военнопленных, вручая мне очередной подарок.

– Найд, – гордо возразил я, – Вас костэт дас?

– Гэшэнк, – повторил и он, – Бесплатно, – добавил по-русски. «Неужели догадался?» – подумал я, – «Пора закругляться».

– Филен данк, – поблагодарил за подарок.

– Битэ, – услужливо ответил «бывший» не знаю, кто, но точно бывший. А мое сопровождение уже отошло подальше от киоска и умирало от смеха.

Аналогичный случай произошел с нами в автобусе. Мне передали деньги на билет, что-то сказав по-литовски.

– Передай на билет, – отдал я их Борису, стоявшему передо мной.

– Передайте на билет, – протянул он деньги следующему пассажиру. Тот даже не шевельнулся, – Пожалуйста, – добавил Борис. Снова не сработало.

Пассажир отвернулся к окну.

– Давай сюда, – взял я деньги у Бориса, – Товарищ, передайте по другому маршруту. Впереди не понимают по-русски, – отдал их удивленному пассажиру.

– Вы не поляк? – почему-то спросил он.

– Нет, – ответил ему...

Выпив пива, вернулись в гостиницу. Татьяны с Ниной по-прежнему не было. Они появились лишь после обеда. Что произошло, не знаю, но наши отношения с женой постепенно наладились. Вечером совершили коллективную прогулку по аристократическому району Каунаса. А с утра нас автобусами повезли в Вильнюс. Понравилась резиденция польско-литовских королей – Тракайский замок, который посетили по пути.

Вильнюс осмотрели мимоходом. Обзорная автобусная экскурсия по городу дала лишь слабое о нем представление. Увы, нас уже ждал поезд до Москвы. Во вторник утром мы были дома. С обеда уже вышли на работу. Такое впечатление, что нас не было, по меньшей мере, недели две. Если бы не ссора с женой, можно сказать, отдых удался...

– Ну, Толя, самое интересное ты прозевал, – заинтриговал Кузнецов, едва появился на работе.

– Что же такое я прозевал, Владимир Александрович? Неужели «Буран» запустили?

– Ну, до этого пока не дошло, – рассмеялся Кузнецов, – Наши события поскромней. У нас власть переменилась. Пока, правда, партийная.

– А мы с вами причем?

– Не причем, конечно, но целых два дня отдел трясло... Знаешь, кто теперь вместо Мозгового?

– Откуда, Владимир Александрович.

– Меди, – выложил Кузнецов главную новость.

Меди был начальником сектора анализа телеметрической информации. Именно в его секторе работали Мазо и Жарова до перевода в наш сектор. По их рассказам Меди был отличным специалистом, но очень жестким, своеобразным человеком со своими представлениями о справедливости.

Мазо он откровенно недолюбливал еще с тех пор, как тот был его подчиненным. Сейчас же они были на равных, соперничая во всех сферах жизни отдела. В системе соцсоревнования, за первое место реально боролись только эти два сектора. Причем Меди постоянно подозревал Бродского в необъективности и неприкрытой поддержке Мазо.

В день своего избрания Меди буквально сокрушил своего соперника. И хотя партийное собрание было закрытым, сенсационная информация все же просочилась. Вначале стало известным, что собрание отказало в приеме в партию Мазо и Гарбузову. Постепенно дошли и подробности того знаменательного события.

Собрание готовил Мозговой, и результаты его были предreshены. Но оно сразу пошло не по намеченному сценарию. Собрание не одобрило деятельность Мозгового и предложило переизбрать секретаря парторганизации. Избранный секретарем Меди тоже не жаждал революции. Она произошла стихийно.

Невольным инициатором оказался кандидат в члены партии Гарбузов. На простой вопрос, есть ли у него идеал, которому он хотел бы подражать, кандидат ответил:

– Мой идеал Юрий Константинович Разумовский... Он может взять даже там, где взять невозможно.

Столь безнравственный ответ молодого человека, желавшего вступить в партию, вызвал бурю возмущения коммунистов. К тому же он задел честь уважаемого человека, избрав его своим идеалом за весьма сомнительные качества, которые теперь требовалось или доказать, или опровергнуть. Чья-то попытка спасти положение оказалась безрезультатной. На вопрос, что же все-таки так активно «берет» его идеал – ценности духовные или ценности материальные, кандидат, не раздумывая, ответил:

– Разумеется, материальные. Коммунисты – материалисты и предпочитают ценности материальные любому духовному бреду.

Поднявшийся шум был прерван краткой речью Мазо, вступившего за своего подчиненного:

– Товарищи! Мы должны оценить искренность высказываний кандидата. Он говорит, что думает... Все мы так думаем, но обычно говорим противоположное.

– И вы так думаете, как ваш подчиненный, товарищ Мазо? – в наступившей тишине спросил кто-то из коммунистов.

– Разумеется! – запальчиво выкрикнул Мазо.

– И вы с такими взглядами собрались в партию? Интересно, кто же из коммунистов дал вам рекомендацию?

– Обоих кандидатов рекомендовал коммунист Бродский, – дал справку Меди.

– С кандидатами все ясно, – вдруг решительно заявил наш правдолюб Нуждин, – Есть вопрос к коммунисту Бродскому... Как вас зовут, Эмиль Борисович? – под дружный смех спросил он Бродского.

– Ты же знаешь, – ответил Бродский.

– Я-то знаю, а вот знают ли коммунисты, кто состоит в партии под фамилией Бродский? – задал загадку Нуждин и сам же ответил, – Юридически такого человека просто нет. А потому обе рекомендации недействительны.

– Требуем разъяснений, – зашумели коммунисты, пораженные странной информацией об известном человеке.

– Тише! Тише, товарищи! – попытался навести порядок Меди. Его не слушали. Но все тут же затихли, когда Нуждин поднял руку, прося тишины.

– Я сам удивлен, – продолжил он в наступившей тишине, – Как председатель ревизионной комиссии я проверял учетные документы коммунистов и обнаружил, что некто Бродский, коммунист с сорок первого года, является фантомом, поскольку нет документов, подтверждающих его существование... С другой стороны, Бродский Эмиль Борисович, чьи паспортные данные там указаны, это юридически другой человек. Я не понимаю, Эмиль Борисович, почему вы вступили в партию под чужим именем? И вы ли вступали в партию в сорок первом году?

Бродский сидел молча, всем видом демонстрируя, что не собирается отвечать на заданные вопросы. Поднявшийся шум снова был прерван поднятой рукой Нуждина.

– Этим делом уже занимается партком предприятия... А пока ситуация такова, что Эмиль Борисович Бродский юридически беспартийный, а потому не может присутствовать на нашем закрытом партийном собрании и давать рекомендации таким же беспартийным товарищам... Эмиль Борисович, сдайте чужой партбилет и покиньте собрание, – заявил он в наступившей тишине.

Бродский, очевидно уже готовый к подобному развитию событий, молча встал и направился к выходу.

– А партбилет! – выкрикнул Меди.

– Я его оставил дома, – на ходу ответил Бродский и вышел, хлопнув дверью.

Попросили выйти и кандидатов, которым отказали в приеме в партию. Именно отказали, а не отложили из-за недействительной рекомендации Бродского. Это была серьезная формулировка. С такой формулировкой повторное рассмотрение их заявлений о приеме в партию было практически невозможным.

Все это рассказал Кузнецову Миша Бычков. Заинтригованный, я тут же вызвал Мишу в коридор, и он с удовольствием пересказал мне все в лицах и с обилием деталей.

– Миша, откуда ты все знаешь? Такое впечатление, что ты сам там побывал.

– Да мне кое-что Олег рассказал. А в деталях сам Гарбузов. Ему теперь скрывать нечего. Он в партию уже вряд ли попадет. Ну и выложил все в подробностях про всех, кроме себя. А о нем я у Мозгового выпросил, а потом у Нуждина... Нуждин просто поражен его цинизмом. Ну, говорит, взгляды Мазо мне давно известны, а вот Гарбузов удивил. Впрочем, говорит, чему удивляться. Кого еще может воспитать Мазо?... Ну, а Бродский всех удивил... Вот тебе и коммунисты, – тихо смеялся Миша.

Он всегда мне казался странным человеком. Золотой медалист, при Пескареве Миша был уважаемой личностью. Бессменный секретарь комсомольской организации, он быстро дорос до должности старшего инженера. С приходом Мазо общественное и иное положение Бычкова резко изменилось. Сначала он стал предметом постоянных насмешек нового начальника сектора. Миша сносил их молча, по-философски, не обращая внимания. А Мазо, не встречая сопротивления объекта своего самоутверждения, постепенно нагнул. Когда же Бычков случайно попал в вытрезвитель, он тут же навсегда попал в когорту беспробудных пьяниц и бесперспективных сотрудников. На служебной карьере Бычкова был поставлен жирный крест.

Миша покинул комсомол по возрасту, но с тех пор избегал любой общественной деятельности. Он даже не пытался вступить в партию, но проявлял нездоровый интерес к ее деятельности. Еще с комсомольских времен он постоянно выписывал газету «Правда», но в отличие от многих читал ее от корки до корки. Затем вырезал некоторые заинтересовавшие его материалы и складывал в специальные папки. Весь его стол был забит такими папками. Иногда он доставал какую-нибудь из них, просматривал старые материалы и часто неизвестно чему тихо смеялся...

Иногда он перехватывал меня в коридоре. Быстро рассказывал политический анекдот, часто совсем неинтересный или очень старый. И смеясь, тут же отходил, не дав мне опомниться от изумления... Странный человек...

Где-то уже в конце лета в самом начале рабочего дня ко мне подошел Кузнецов.

– Толя, что ты делаешь сегодня вечером?

– Как всегда. А что?

– Приглашаю в шашлычную. Разопьем бутылочку коньячка.

– Коньячок это замечательно... Только предупрежу Татьяну... А повод? Что ей сказать?

– Мои проводы, Толя... Все... С завтрашнего дня работаю в Службе.

– Да вы что?.. Поздравляю, Владимир Александрович.

– Ладно-ладно, поздравись в шашлычной. А пока не надо. Не хочу, чтобы кто-нибудь узнал. Уйду по-английски, не прощаясь... Да и не с кем, кроме тебя... Вот с тобой действительно хочу попрощаться.

– Спасибо, Владимир Александрович... Мне без вас будет плохо.

После работы мы заняли столик и просидели весь вечер, вспоминая нашу совместную работу в Казахстане и здесь в Подлипках. Мне было грустно, словно потерял не только наставника, но и друга. И хотя Кузнецов никуда не уезжал, я понимал, что те отношения, которые сложились между нами за долгие часы, дни, месяцы и годы, которые мы провели рядом, постепенно растают. У нас уже не будет возможности часами обсуждать все, что ни придет кому-нибудь из нас в голову, но окажется интересным нам обоим настолько, что готовы отдавать этому прорву бесценного времени, состязаясь в мудрости и красноречии... Это время ушло безвозвратно...

– Спасибо тебе, Толя, – поблагодарил он меня, подняв очередную рюмку, – Ты научил меня работать с литературой. Всю жизнь работал по шаблону. Теперь уже не смогу.

– И вам спасибо, Владимир Александрович, – ответил, чокаясь с наставником, – До встречи с вами работа в КБ мне представлялась каким-то таинством за семью печатями, которое творят особые, избранные люди. С вами понял, что дело делают тысячи муравьев, каждый из которых функционирует на своем уровне и имеет кучу достоинств и недостатков, присущих обычным людям, а не небожителям.

– Ну, Толя, ты разошелся. Мы так и не выпьем, обмениваясь любезностями, – прервал меня хозяин нашего праздника. Мы выпили и снова налили.

– Знаете, Владимир Александрович, два года со мной в училище учился некто Юра Осипов. Очень странный паренек. Он никак не подходил для военной службы. Даже внешне. Огромная голова и ноги сорок шестого размера. И все это при росте метр шестьдесят восемь. Вдобавок буйная шевелюра необыкновенно густых быстрорастущих, жестких, как проволока, волос. Не поверите, но я несколько зубьев машинки сломал, когда его стриг.

– Почему не поверю? Поверю. Сам не раз наблюдал подобное в парикмахерской.

– Все это к слову, Владимир Александрович. Просто вспомнил интересного человека. А Юра действительно интересный человек... Учился средне, хотя способности потрясающие. Как-то раз готовились к экзамену по теормеху... Учим теорию, решаем задачки. А Юра сидит и смеется... Посмотрит в учебник и снова смеется... Ну и предмет, говорит. Мути много,

а любую задачу можно решить, зная лишь теорему Пифагора... Да ты что, удивился я, не может быть... Так он на мой выбор сходу решил несколько задач своим методом... Главное, говорит, увидеть ключевой треугольник... В общем-то, полная чушь, но, как ни странно, все результаты совпали с ответами... По-моему, шарлатанство. Он просто помнил все ответы во всем задачнике, а остальное – подгонка. Потому что стороны его треугольников были иногда в разных единицах измерения... Тем не менее, ответ во всех случаях правильный. Сам проверял.

– Бывает, – рассмеялся Кузнецов, – Действительно способный паренек. Типичный шульман, – добавил он со смехом.

– Так вот, он считал, что нам преподают лишь простые предметы. Вот, говорит, в Бауманском училище это да... Там все ко второму курсу от учебы становятся лысыми. Вот, говорит, мой друг из Бауманского... Облысел, спрашиваю. Почему облысел? Каким был, таким, говорит, остался... Мы покатались... Да и наши из Бауманского... Ни Миша Бычков, ни Емельянов не облысели. А легенда ходит.

– Это точно, – подтвердил Кузнецов.

– А вот вы, Владимир Александрович, прирожденный проектант. И Бауманка вам не нужна. У меня на глазах вы спрогнозировали развитие событий с новым изделием. И так, как не смогла Служба и даже сам Генеральный.

– Ну, ты, Толя, скажешь... Генеральный, мне кажется, понимал, что делал.

– Не уверен, Владимир Александрович... Я бы на его месте изначально запретил вариант компоновки «Шаттла». И многообразные носители не предлагал... Оставил бы лишь модульный принцип. А многообразный корабль поставил бы «на жирную семерку» сверху, а не сбоку... У американцев такая компоновка «Шаттла» вынужденная. А у нас центральный блок полноценный... Поверьте, не было бы в предложениях Правительству варианта «Шаттла», военные приняли бы всю программу. Она была логичной. Мне кажется, именно в этом ошибка Глушко. А вы ее увидели сразу, Владимир Александрович.

– Пожалуй, ты прав, Толя... Вот только мое видение ты сильно преувеличил. Критиковал – да. А вот увидел только сейчас, когда ты мне все растолковал... Знаешь, пожалуй, верно растолковал. Ребятам из Службы расскажу, ахнут.

– Ахать поздно. Теперь будем делать советский «Шаттл»... В указанные вами сроки... Здесь, мне кажется, вы тоже правы. Раньше восемьдесят шестого ничего не будет... А если еще годик на разгильдяйство прибавить, получится восемьдесят седьмой, а не восемьдесят первый. Вы и это вашим коллегам из Службы расскажите.

Мы еще долго обсуждали возможное развитие событий, понимая, что делаем это в последний раз. С завтрашнего дня у меня не будет наставника, и все решения придется принимать одному, не советуясь ни с кем, потому что уже давно не видел рядом с собой ни одного человека, равновеликого Кузнецову...

Кузнецова хватились лишь через неделю.

– Афанасич, а где твой друг?.. Болеет?.. Что ему в таблицу ставить? – спросил Гурьев, заполняя документ.

– Хватился, Прокопыч... Он у нас уже неделю не работает, – ответил ему.

– Как так? Уволился?

– Нет. В Службу Главного перевелся.

– Да ты что. Надо же. А почему никто не знает?

– Не знаю, Прокопыч. Я думал, все знают.

– А когда переход обмывать будем?

– Это вы у него спросите, – посоветовал своему потенциальному начальнику.

Глава 15. Оттохондроз

С уходом Кузнецова в комнате установилась гнетущая атмосфера. Теперь некому было осадить Мазо, когда, разговаривая по телефону, он буквально сотрясал воздух, подобно мощной звуковой установке, включенной на полную громкость. А его энергичные броски телефонной трубки после каждого такого разговора стали совсем небрежными. Все чаще многострадальная трубка падала на пол, а не на свое законное место. И Мазо чертыхаясь, вынужден был ее понимать, нередко сшибая с тумбочки свои телефонные аппараты.

Почти ежедневно вольно или невольно все должны были выслушивать одни и те же плоские шуточки о ком-то неизвестном, кто почему-то «упал намоченный», и о прочих подобных героях его ограниченного мирка. Шутки, повторяемые им многократно, как для тупых, превращались в свою противоположность и многими уже воспринимались откровенным издевательством.

Но едва Мазо утихал, наступала звенящая тишина. Все, уткнувшись в документы, старательно исполняли роль добросовестных работников. И всякий раз, стоило ему выйти из комнаты, раздавался всеобщий вздох облегчения. Люди невольно расслаблялись, сбрасывая психологическое напряжение, и этот вздох зачастую не только чувствовался, но и был слышен.

– Фу-у-ух, – невольно произносили вслух сразу несколько сотрудников «облегченной» от Мазо комнаты.

– Прокопыч, ты бы хоть увел его куда-нибудь на совещание, – часто обращалась к Гурьеву Вера Журавлева, – Ну, нет уже никаких сил так маяться.

– Хитрая ты, Вера, – добродушно улыбался Прокопыч, – Я и сам хочу отдохнуть от него... Да и не нужен мне больше «переводчик», – добавлял он.

Это давно заметили все, кроме Мазо. После моего памятного выступления в поддержку Гурьева, когда я разъяснил причину его языковых затруднений, люди стали относиться к нему терпимей. Почувствовав это, Прокопыч стал меньше волноваться при выступлениях, и его речь заметно улучшилась. А дальше, как цепная реакция, процесс совершенствования речи пошел настолько стремительно, что однажды Прокопыч взбунтовался. И когда Мазо, демонстративно не замечавший этих перемен, привычно заявил свое традиционное «перевожу», Гурьев резко оборвал его:

– Надоело!.. Нашелся переводчик с русского на русский... Говори сам, раз такой умник, – сказал он и сел.

Все смотрели на Мазо, который настолько опешил от неожиданного отпора своего покорного вассала, что от эмоционального стресса не мог произнести ни слова. Мгновенно покраснев от напряжения, он лишь судорожно глотал воздух перекошенным ртом. Наконец все-таки с шумом вдохнул полной грудью и тут же выдохнул одним словом:

– Наглец!!!

Отдышавшись, Мазо устало добавил, изображая глубокое разочарование:

– Хочешь помочь ущербному человеку, а он, – и, не закончив фразу, артистически взмахнул рукой.

– Сам ты ущербный! – в свою очередь взорвался Гурьев и от волнения прокричал еще что-то не по-русски.

– Товарищи! Успокойтесь, – вмешался кто-то из участников совещания, – Мы собрались решать технические вопросы, а не морально-нравственные. Давайте прервемся на пять минут. Решите, кто будет выступать, и продолжим совещание.

После перерыва Мазо исчез, а Гурьев продолжил свое выступление.

Оказалось, Мазо, как обычно, не был готов к совещанию, а уж тем более к выступлению по малознакомому вопросу...

– Афанасич, – подозвал как-то Гурьев, – Мазо сказал, ты теперь в моей группе... Что будем делать? – попытался он, судя по всему, договориться.

Я понимал, что с уходом Кузнецова нечто подобное рано или поздно должно было случиться. Но причем здесь несуществующая группа Гурьева?.. Причем здесь сам Гурьев, который ни дня не работал по новой тематике?.. Почему Мазо принял решение, не советуясь со мной? И почему, наконец, он лично не сообщил мне о своем решении?

Мне казалось, что разумнее всего было определить меня в группу Мухаммеда. Но, похоже, Мазо все еще не расстался с мыслью легализовать группу Гурьева. А для этого требовался определенный состав специалистов и соответствующий объем работы.

Чем же располагала мнимая группа Гурьева? Лишь двумя инженерами и тремя техниками. Мнимым был и объем работ, закрепленный за группой – она переиздавала документацию разгонного блока Д.

«А, пожалуй, Гурьев – не самый худший вариант», – взвесив все «за» и «против», подумал я.

– Ну, так как, Афанасич? – снова спросил Прокопыч. Надо было что-то отвечать. Что ж, из Толи я, похоже, превратился в «Афанасича». Именно так, без мягкого знака. Ну, а Прокопыч уже давно был «Прокопычем».

– Прокопыч, с твоими инженерами все ясно. Захаров – твой оруженосец. Носильщик документации... Мокшина еще с полигона знаю... А чем заняты твои техники?

– Да ими Жарова командует. Набивают перфокарты, а потом по графикам из ВЦ отбирают параметры.

– А почему они за телеметристов работают?

– Не знаю, Афанасич. У Мазо какая-то задумка есть. Они с Жаровой у Меди работали.

– Я знаю... Но в группе, Прокопыч, не Мазо, а ты должен командовать... Ну, и как будем делить работу?

– Да я уже прикидывал, – неуверенно начал Прокопыч, – Угощайся, фирменные, – пододвинул он горсть карамелек.

– Спасибо, Прокопыч, я такие не ем.

– Да ты попробуй. Мне с полигона привезли в подарок. Мои фирменные, – повторил он.

Я глянул на карамельки и невольно рассмеялся. Так и есть – «Чебурашка», производства Казалинского кирпичного завода...

Прокопыча уже давно за глаза все звали Чебурашкой за его большие оттопыренные уши. Оказывается, он не только наслышан о своем прозвище, но и относится к нему с юмором. «Надо же – мои фирменные», – подумал я. Что ж, с таким человеком можно работать.

– Ну, и как же ты прикидывал? – спросил, дегустируя фирменную продукцию производителей кирпича.

– Ты будешь заниматься носителем и «Бураном» в целом, а блоки раздадим ребятам. Центральный – Мокшину, боковушку – Захарову, а стыковочный – Жаровой. Идет?

– А Жарова тут причем? Она же техник.

– Да нет... Ее Мазо перевел в инженеры. Она вроде бы с год училась в каком-то институте.

– Надо же. И опять втихаря. Ну и Мазо... Ладно, инженер так инженер. Да и блок так себе. Думаю, справится. А Журавлева с Кабулиной?

– На подхвате... Они девушки добросовестные.

– Только, Прокопыч, пусть они заканчивают с перфокартами. Не наше это дело.

– Понял, Афанасич... И еще... Мазо сказал, что Бродский поручил тебе разработку отраслевого стандарта на огневые технологические испытания. Ты в курсе?

– Как всегда, нет, – ответил ему, невольно радуясь, что между мной и Мазо все-таки будет хоть какая-то прокладка в лице Гурьева, поскольку даже не представлял себе, как смогу бесконфликтно работать с ним напрямую...

Проект стандарта разработал неожиданно быстро. Собственно, основные соображения по огневым технологическим испытаниям блоков были изложены еще в нашем томе предложений Правительству. Оставалось лишь скомпоновать материал так, чтобы он приобрел качества нормативного документа. Кажется, это удалось. Не получив никаких замечаний руководства, разослал проект заинтересованным организациям и собрался в отпуск.

Впервые мы с женой решили провести его на нейтральной территории. Ехать в Харьков по известным причинам не хотелось, да и негативный опыт домашнего «отдыха» уже имели. К тому же наш отпуск пришелся на сентябрь. Лето кончилось, а тепла так и не увидели. И захотелось продлить то лето, оказавшись на морском побережье под нежарким ласковым солнышком. Даже не помню, как возникла бредовая идея поездки на юг «дикарями», да еще с четырехлетним ребенком. Станным по прошествии времени кажется и наш выбор места отдыха – ни много, ни мало город-курорт Сочи.

И вот мы приобрели билеты туда и обратно и вскоре двинулись в неизвестность, так и не ответив на многочисленные вопросы типа, где жить, как питаться, сколько надо денег и тому подобные. В Сочи, потолкавшись по агентствам, лишь убедились, что нас здесь не ждали. Самостоятельные поиски тоже ни к чему не привели. Нам демонстрировали жалкие коморки за бешеные деньги. Татьяна была в ужасе. Вернулись на вокзал, решив отъехать чуть подальше от этого слишком дорогого города. На вокзале увидели толпу людей, большая часть которых искала жилье, а меньшая – предлагала. Прислушавшись, поняли уровень цен. Он был ниже всего того, с чем сталкивались до сих пор, но все равно был для нас разорительным.

Растерянные и уставшие, мы стояли в стороне от ажиотажа. Сказывались десять часов, проведенные на ногах – с четырех утра, когда мы вышли из вагона московского поезда на платформу сочинского вокзала и до момента, когда снова оказались там же – в исходной точке наших поисков.

Ранним утром, сдав багаж в камеру хранения, полные радужных планов, отправились бродить по безлюдному городу. Было необычно тепло. Прямо на улицах росли пальмы, причем не в кадках, а в земле, как обычные деревья. Даже я, прошедший побережье Крымского полуострова пешком, видел подобное лишь в ботаническом саду. Что же говорить о жене и дочери, ни разу не видавших южных морей. Светланка с удивлением разглядывала «меховые ноги» пальм и их роскошные «прически» в виде пучков узких и длинных зеленых листьев.

– А где море? – спросила дочь.

– Скорей всего там, – показал я в сторону чернильной тьмы в полнеба, где кроме звездного неба не просматривалось ни огонька.

– Пошли к морю, – нетерпеливо предложила она, и мы двинулись в выбранном направлении.

Мы вышли к морю на рассвете. Меня разочаровали сочинские пляжи, покрытые галькой и разделенные на секции нелепыми бетонными стенками. Жена и дочь еще не осознали подвоха и обе радовались от души. Им просто не с чем было сравнивать. Ну и хорошо...

– Вы ни квартиру ищите? – вдруг обратилась к нам молодая женщина.

– Квартиру. Вот только как ее найти? – равнодушно ответил ей.

– Могу предложить... Мне кажется, вам должно подойти. Маленькая комната с койкой для вас и кроватью для ребенка. Но все удобства на улице и далеко от центра, – сообщила она.

Нас в нашем состоянии уже устраивало все, что только подходило по цене.

И через полчаса неспешной поездки на автобусе мы добрались до наших коек, где уснули до утра...

Утро встретило нас ярким солнышком и погожим днем. Наш приют, похоже, располагался в самой высокой точке города. Неподалеку виднелась телевышка. А весь город был, как на ладони. И, конечно же, во всей красе перед нами расстиралось море.

Сентябрь в том году выдался на славу. По ночам гремели грозы. Мощные громовые раскаты, усиленные горным эхом, поначалу пугали, не давая уснуть. Но вскоре стали привычными, и мы, уставшие за пляжный день, уже ничего не замечали. Зато каждое утро было точно таким же, как и памятное первое.

Лишь однажды пришли на пляж и не узнали знакомых мест. Море штормило, и пляж был пуст. А вся толпа, обычно равномерно по нему распределенная, сгрудилась у самой дороги. Огромные волны с шипением прокатывались почти через весь пляж. Купаться было нельзя, и отдыхающие в основном загорали и любовались картинами разбушевавшейся стихии.

Постепенно море успокаивалось и отступало, а покидаемую его волнами территорию тут же осваивали наиболее смелые. Вскоре море вернуло людям половину пляжа, и мы расположились у самой границы, куда добирались волны. Светланка с интересом наблюдала, как приходит и уходит вода, оставляя на границе пену и мелкий мусор. И чего только ни выносило море – дочь уже набрала себе гору всякой всячины.

Неожиданно какая-то волна выбилась из общего ритма и стремительно ринулась за пенную границу. Мы с Таней мгновенно вскочили на ноги, чтобы нас не накрыло взбесившейся волной.

– Вещи спасайте! Вещи! – крикнула Светланка, которую волна едва ни сшибла с ног, пройдя на уровне ее пояса. Мы глянули и рассмеялись – свои вещи она уже держала, подняв над головой. Только они и остались сухими. Наши оказались в воде.

– Вот тебе и ребенок, – смеялись вокруг люди, которые, как и мы, не уследили за морем. Многие даже не успели вскочить, – Такая маленькая, и такая хозяйственная. Вещи, кричит, спасайте... Молодец, свои спасла... И о других побеспокоилась... Ну и ну, – удивлялись они...

И вот мы уже едем в обратный путь вдоль морского берега. Мы видели его впервые, поскольку, направляясь в Сочи, ехали здесь ночью. С грустью прощались с морем, подарившим незабываемые впечатления и чудесный загар. Вот оно мелькнуло в последний раз и скрылось до следующей с ним встречи. Плавная езда сменилась крутыми виражами под пронзительный визг колес, жестоко фрезерирующих рельсы. Мы втягивались в горы.

Харьков проехали ранним утром. Я вышел на перрон родного города. После южного тепла здесь было заметно холодней. Я никого и ничего не ждал. Было грустно. Когда еще попаду сюда? Или так и буду проезжать мимо, словно это маленькая станция Покатиловка?

Москва встретила пронизывающим ледяным ветром, несущим заряды снега вперемешку с дождем. Кошмар. Погремели последней мелочью. Денег осталось лишь на метро и автобус. Фу-у-ух! Уложились...

– Афанасич, тут тебя завалили замечаниями по стандарту, – вместо приветствия сходу озадачил Гурьев, – Плохо работаешь, – тут же дал оценку моей «стандартной» работе. «Надо же. Уже Чебурашке не угодил. Быстро», – подумал я.

– Прокопыч, а ты сам замечания смотрел?

– А мне зачем?

– Ну, и как же ты можешь судить мою работу? Бред какой-то, – возмутился я.

Замечаний было действительно много, но лишь потому, что исходили из множества организаций. Реально их оказалось не больше полусотни. Половина из них отметалась с порога, с десятков были неплохими предложениями, а оставшиеся полтора десятка – просто спорными. Уже к концу рабочего дня доложил Бродскому результаты анализа замечаний.

– Прекрасно, Зарецкий. Хорошо, ты вышел из отпуска, а то я уже у Шабарова на контроле по этому стандарту. Пойду, доложу.

Через час Бродский вызвал к себе.

– Собирайся в командировку в Днепропетровск. Разработку стандарта передали им. А пока проведешь вместе с ними согласительное совещание по всем замечаниям организаций.

Что называется, с места в карьер.

– Куда ты поедешь? – узнав мою новость, недовольно спросила Таня, – Мы же только с дороги. Хоть бы отдохнуть дали.

И вот снова еду мимо Харькова. «Ну, здравствуй», – мысленно приветствую родной город, прогуливаясь по перрону его вокзала глухой ночью.

В Днепропетровск попал впервые. От города не в восторге, а вот Днепр произвел впечатление. Пять дней мне показались пятнадцатью. В основном, из-за неприкаянных вечеров. Через день уже вполне ориентировался в городе. Ранняя осень не давала разгуляться. И я с нетерпением ждал пятницу, потому что давно купил билет на автобус до Харькова.

Он довез меня почти до дома, высадив в самом начале улицы, на которой жили родители. Пятнадцать минут пешком, и я на месте. Радость встречи через полтора года разлуки. Вопросы, вопросы, вопросы...

И как три года назад ранним утром отправился на кладбище навестить мою любимую Людочку... Лучше бы этого не делал в тот мой короткий приезд...

Моя святыня была разорена. Кладбище разделили надвое какой-то скоростной трассой, причем она прошла по кварталу, в котором была могилка Людочки. «Где ты теперь, любимая?... Тебе и после смерти не дают покоя... Как же я отыщу тебя, милая моя?» – безнадежно метался по дорожкам изуродованного погоста.

Лишь в десять открыли справочную кладбища. И тут выяснилось, что захоронение перенесено на другое кладбище.

– На какое такое другое? – попытался узнать у администратора.

– В документе не указано, – ответил он.

– Почему, интересно, не указано? Обязаны указывать, – возмутился я.

– Указываем, когда останки перемещают на харьковские кладбища. А когда, по просьбе родственников, за город, не обязаны.

Говорить о чем-то еще было бесполезно. Не теряя времени, отправился к маме Людочки. Как же я забыл об этом? Конечно же, она все знает.

Я летел, как на крыльях. Сколько же лет не видел маму любимой? В последний раз мы виделись, когда еще учился в училище. Тогда, в годовщину смерти Людочки, я пришел в квартиру, где когда-то жила моя невеста. Был накрыт стол. За столом увидел много незнакомых людей. Едва вошел, мама, взглянув на меня, горько расплакалась. Ее увели в комнату Людочки и еле успокоили, отпаивая валерьянкой. Я чувствовал себя виновником того, что случилось. Ведь именно я так и не смог спасти ее дочь.

За столом «царил» отчим Людочки, которого она не переносила еще с детских лет. Где же он был все то время, пока она болела?... Весь вечер он крутился возле меня, расспрашивая о делах и пытаясь угодить во всем. Может, он был неплохим человеком, не знаю, но я, как и Людочка, испытывал к нему лишь неприязнь. Похоже, на поминках в основном были его «гости». Насколько понял, многие из них никогда не видели Людочку. Вскоре поминки стали напоминать заурядную пьянку. И я ушел по-английски, не прощаясь.

Перед уходом хотел, было, зайти к маме, которая так больше и не села за тот стол, но не решился, опасаясь ее невольных слез... Я навестил ее через неделю, и мы с ней и Светланкой тогда съездили на кладбище к Людочке...

Увы... Простояв под дверью больше двух часов, так никого не дождался... Домой попал лишь ближе к вечеру. Меня давно ждали и уже беспокоились, куда пропал. Мы отметили мой

приезд. Много говорили, но я почти ничего не воспринимал, удрученный своей новостью, которой не с кем было даже поделиться...

Мы долго сидели на кухне с младшим братом. Он непрерывно курил и как всегда морочил голову рассказами о художниках. Я его почти не слушал, занятый своими мыслями. «Где же теперь твой последний приют, Людочка?.. Кто за ним ухаживает?.. И ухаживает ли?» – задавал себе вопросы и мучился, не в силах на них ответить...

Вторая неделя в Днепропетровске прошла незаметно. Я намеренно изматывал себя на работе с тем, чтобы не тяготиться свободными вечерами. Ко мне подсадили двух командированных – больших поклонников Бахуса. И вскоре свободных вечеров, по сути, не стало. И хотя в моральном плане это почти не помогало, зато убивало время...

Днепропетровск проводил обильным снегопадом. Снег в городе стал стихийным бедствием. Он рвал электрические провода, ломал огромные ветви покрытых листвой деревьев, создавал транспортные проблемы. Из-за них чуть было не опоздал на поезд. Наконец посадочная лихорадка позади, я забрался на верхнюю полку и под стук колес уснул.

Проснулся оттого, что поезд стоял на какой-то станции. Выглянул в окно и обомлел – на дальних путях увидел знакомые открытые платформы, на которых, как и тогда, мелом было написано: «Ст. назн. Коробочкино».

«Какая удача! Я должен, во что бы то ни стало, узнать, наконец, где это загадочное Коробочкино», – обрадовался я, быстро оделся, выскочил на платформу и помчался напрямик к вагонам.

Я уже долго бежал через многочисленные железнодорожные пути, но заветные вагоны, казалось, не приближались, а удалялись. На мгновение остановился, оглянулся и не увидел своего поезда. То ли он уже ушел без меня, то ли его заслонил подошедший поезд. Но его уже не было. «Плевать», – махнул рукой, – «Главное – Коробочкино. Там моя Людочка». Меж тем товарняк тронулся и, набирая скорость, двинулся к своей цели.

– Лю-ю-дочка-а-а! – закричал в отчаянии и проснулся.

– Что случилось? – волновались вокруг проснувшиеся пассажиры, а я лежал на своей полке, не в силах понять, что же все-таки действительно случилось. Как я снова попал в свой вагон? Приснилось это, или было на самом деле? Постепенно приходя в себя, понял, что это все-таки сон. Но какой реальный! «Моя Людочка в Коробочкино», – наконец успокоился я, измученный целой неделей бесплодных размышлений...

Пока отсутствовал, в группе появился новый сотрудник, точнее, сотрудница – инженер Люба Степанова.

– Афанасич, я ей передал боковушку. А Захаров будет заниматься только разгонным блоком, – познакомил со своими планами «начальник» группы.

– А она справится? – усомнился я.

– Бойкая девица... Да и ты поможешь... Справится, – бодро определил он.

– Прокопыч, да мне проще все сделать самому, чем обучать бойких девиц, – возмутился я, вспомнив, как Гурьев сходу оценил мою работу над стандартом, даже не вникая в нее. Способности Степановой, похоже, прикинул так же – лишь по ее темпераменту. Ну и ну.

– Да, чуть не забыл. Мазо сказал, чтобы ты съездил на Новостройку и посмотрел стенды. Можно ли там проводить огневые испытания блоков?

– Где хоть эта Новостройка, Прокопыч? И кто меня туда пустит без мандата?

– Зайди к Мозговому. Он туда часто ездит, – посоветовал Прокопыч...

– Здравствуйте, товарищи ракетчики! – поприветствовал группу Бойкова, в которой работал Мозговой, – Сидите, сидите. Не буду мешать плавному протеканию ваших путаных мыслей, – пошутил я.

– Как ты сказал, ракетчик? – рассмеялся Мозговой, – Надо записать. «Не буду мешать... плавному протеканию... ваших путаных мыслей», – процитировал он меня, помечая меж тем что-то в блокнотике, – Метко сказано. В точку попал, ракетчик, – продолжил он смеяться.

Меж тем остальной «коллектив», казалось, даже не заметил моего прихода. Никто не ответил на приветствие. Все сидели молча, уткнувшись в бумаги.

Мы договорились с Мозговым о поездке, и я покинул негостеприимную группу.

Так я впервые попал на Новостройку. В тот, тогда еще закрытый городок, автобус доставил нас с Олегом из Загорска минут за сорок. Рядом с городком, на огромной отчужденной территории, располагалась база для стендовых испытаний изделий ракетной техники. Олег был здесь своим человеком. Он прожил в городке большую часть своей сознательной жизни. Это была его малая Родина. Он знал тут все и всех.

Он показал стенд, где испытывали вторую ступень ракеты Н1. Это был самый большой стенд в стране. Увы... Мне показалось, без существенной реконструкции его нельзя было использовать для наших целей. Свой отчет я передал Мазо.

С той самой поездки на Новостройку между мной и Олегом установились приятельские отношения. Мы понимали друг друга и в спорных вопросах, часто возникавших в нашем непросто коллективе, действовали заодно.

Меж тем Мазо продолжал усиливать группу Гурьева. И однажды за столом Кузнецова появился старший инженер Саша Отто, молчаливый, очень серьезный молодой человек.

– Афанасич, будешь работать в паре с Отто, – дал указания «начальник группы».

– Как это? – не понял я.

– Как с Кузнецовым, – уточнил он.

– Как с Кузнецовым не получится, Прокопыч. Отто далеко не Кузнецов.

– Кузнецовым будешь ты, – неожиданно «повысил» меня Чебурашка.

Поговорив с Отто, выяснил, что по окончании института он ни дня не работал по специальности.

– Странно, – не удержался я, – Практически, Саша, ты молодой специалист, а по должности уже старший инженер. Как так получилось? – спросил, даже не рассчитывая на ответ.

– По благу, – вполне серьезно ответил «специалист». «Хорош напарник. Блатная сыро-ежка. Теперь только и жди подвоха», – подумал я.

Порасспросив, понял, что подготовку напарника надо начинать с азов. Для начала дал простейшее задание – переписать начисто мои черновики технических условий на ракету-носитель. Я подготовил этот документ еще до командировки в Днепропетровск, но машбюро не приняло его к печати – слишком много было правок и сносок.

– Задача простая, – инструктировал напарника, – В первом отделе заведи свой спец-блокнот и внимательно перепиши в него все из моих блокнотов. Тщательно проверь, чтобы не было ошибок, а то потом придется перепечатывать. Заодно потихоньку осваивай материал. Привыкай к терминологии и постарайся вдуматься в смысл каждого пункта документа. Не торопись. Времени достаточно. Что непонятно, спрашивай.

И мой напарник надолго исчез для меня. Исчез, разумеется, условно. Он молча сидел за спиной и совсем не беспокоил вопросами. Он переписывал и переписывал. Материала действительно было много...

– Афанасич, вот как надо работать! – примерно через неделю вдруг радостно воскликнул начальник группы. Я оглянулся и увидел рядом с ним Отто, а на столе начальника его раскрытый спецблокнот, – Всего за неделю разработать такой документ. Учись, – восхищался Прокопыч нашим новым сотрудником.

– Александр Михалыч, – подчеркнуто официально обратился я к Отто, – А где мои блокноты, которыми я разрешил вам пользоваться?

– Я их сегодня не брал, – растерянно ответил шустрый «напарник».

– Так возьми, а потом продолжим представление, – сказал я и отвернулся от блатного выскочки и нашего горе-начальника.

Не знаю, что происходило за моей спиной, но минут через пятнадцать меня снова окликнул Гурьев:

– Афанасич, подойди. Отто принес твои блокноты.

Я подошел к столу начальника группы.

– Александр Михалыч, покажите, пожалуйста, в вашем документе все отличия от оригинала, с которого вы переписывали, – попросил я.

– Отличий нет. Я все переписал один к одному, – растерянно ответил Отто.

– Тогда что вы разработали, Александр Михалыч?

– Ничего, – помолчав, ответил он.

– А тогда какого хрена ты вылез с чужим документом к начальнику? А если бы он тебя о чем-то спросил? Ты же ни на один вопрос толком не ответишь, разработчик хренов... Вам все понятно? – обратился я к Гурьеву.

– Понятно, – растерянно ответил он...

– Никогда больше так не делай, – сказал я Отто, едва тот сел за стол Кузнецова.

– Я все понял, Афанасич, – тихо ответил он. Похоже, тот случай стал ему уроком, потому что за все время нашей совместной работы подобных прецедентов больше не было.

– Кабулина, что случилось? Почему так поздно? – спросил Гурьев опоздавшую на час сотрудницу.

– Я не опоздала, Прокопыч... Я в поликлинике была.

– Могла бы позвонить. А то я не знал, что подумать.

– Не могла, Прокопыч. Так прихватил этот оттохондроз проклятый... Не до того было.

– Что за болезнь? Сроду не слышал.

– У Отто спросите... Наверняка кто-то из его родственников придумал.

– Александр Михалыч, что скажешь? – обратился Гурьев к Отто.

– Ничего. Я не медик... Может, кто и придумал... У нас в роду были медики. Даже известные.

– Как же... Знаем, – проснулся Мокшин, как всегда, после вчерашнего, – Отто Юльевич Шмит, – сообщил он под дружный смех присутствующих.

– Ну, Леня... Ты в своей тарелке, – не удержался я, уже изнывавший от едва сдерживаемого смеха по поводу «оттохондроза», – Надо же. Перла мудрости... Отто Юльевич... Оттохондроз, – и я рассмеялся в гордом одиночестве.

– Зря смеешься, Афанасич, – продолжил меж тем Мокшин, – Недавно где-то прочитал, что в Южной Америке поймали какого-то военного преступника... Тоже Отто... Михалыч, случайно не твой родственничек? – спросил он под очередной взрыв смеха. Не смеялся лишь Отто.

– Может и мой, – мрачно ответил он, – Отто фамилия редкая... В тридцатые годы много наших сменили фамилию... У деда были два брата. Так они собрались и решили, старший станет Пушкиным, средний – Лермонтовым. Моему деду предложили стать Гоголем. А ему фамилия не понравилась... Был, говорит, Отто, Отто и останусь.

– Вот и отвечай теперь за оттохондроз Кабулиной, – пошутил я.

– Да, Михалыч, – внезапно поддержала меня Кабулина то ли в шутку, то ли всерьез, – Твои предки выдумали болезнь, вот и помоги вылечиться.

– Обязательно, – буркнул Отто.

Недели две Кабулина ежедневно задерживалась в поликлинике. И всякий раз едва она входила в комнату, кто-то из присутствующих непременно спрашивал:

– Кабулина. Ну, как твой оттохондроз?

– Все также, – устало отвечала Кабулина, – Михалыч обещал помочь, но уже забыл о своем обещании, – иногда добавляла она под дружный смех сотрудников.

– Михалыч, помоги Кабулиной, – всякий раз просил Мокшин. К моему удивлению пару раз с такой же просьбой выступил сам Гурьев.

Мне эта шутка давно надоела. Поглощенный работой, я не включался в длительные обсуждения медицинской проблемы Кабулиной, затеваемые сотрудниками группы, скучающими от безделья. Как ни странно, «оттохондроз» неожиданно обрушился на мою голову в виде бурного начальственного гнева самого Мазо.

– Зарецкий! Вам не надоело издеваться над Отто? – грозно спросил он, вызвав в коридор.

– Не понял, Анатолий Семенович, – искренне удивился я.

– Ваша шутка с оттохондрозом уже давно выводит его из себя.

– А я здесь причем?.. Меня ваши шуточки тоже выводят из себя. Я же не бегаю жаловаться Бродскому.

– Как причем? Вы же культурный человек, Зарецкий. Это невежественная Кабулина и такие же Мокшин и Гурьев могут не знать правильное название болезни. Но вы же, надеюсь, знаете?

– Остеохондроз, – машинально ответил я, – Ну и при чем здесь я и Отто? Каким это образом я над ним издеваюсь?

– А почему вы не остановите эту вакханалию невежества в группе?

– Я-я-я?! – выразил искреннее удивление, – Да мне это до лампочки, Анатолий Семенович. Я от блокнота головы не могу поднять, а люди от скуки развлекаются. Что Отто сам за себя постоять не может?

– Александр Михайлович скромный человек. Ты должен был урезонить всех, – высказал свое мнение Мазо.

– Отто скромный? Что-то не заметил... К тому же я не Гурьев, чтобы урезонивать группу. Почему вы со мной говорите, а не с ним? Заодно бы просветили.

– Гурьев такой же болван как Мокшин, Кабулина и все прочие.

– Зачем же тогда вы его тащите в начальники, если такого о нем мнения? Не логично, Анатолий Семенович.

– Ташу, не значит, сделаю, – загадал загадку Мазо, заставив надолго задуматься над стойким «оттохондрозом» юридически не существующей группы Гурьева...

– Прошу внимания, – обратился к сотрудникам группы, дождавшись, когда Отто куда-то вышел, – Болезнь Кабулиной называется остеохондроз. Всем ясно?.. Наши шуточки надоели не только Отто... Надеюсь, все поняли? – закончил я свое обращение. Повторять не пришлось. С «оттохондрозом» было покончено раз и навсегда.

Меж тем «скромный» Отто подал заявление с просьбой о приеме в партию. Как ни странно, заявление тут же было рассмотрено, и он стал кандидатом в кандидаты. «Михалыч», как теперь звали Отто в группе, тут же получил партийное поручение – стал политинформатором отдела.

– Ну, Прокопыч, не быть тебе начальником группы, – заявил как-то Мокшин.

– Почему не быть? – удивился Гурьев, – Тебя что ли поставят или Афанасича?

– Беспартийный ты, Прокопыч, да и Афанасич тоже. А меня нельзя по другим причинам.

– Тут ты, Леня, не прав, – включился я в беспредметный спор, – Откуда ты знаешь, что я беспартийный? – продолжил я свою давнишнюю игру в «особиста».

– Понял, – мгновенно сориентировался Леня и смолк. Зато засуетился Прокопыч, сообщая, что и у кого еще спросить, а это уже мне было совсем ни к чему. И я взял инициативу в свои руки.

– Группа, Леня, это не мой уровень. Я сразу сектор возглавлю, – шутя, нафантазировал, даже не подозревая, что достоверно спрогнозировал свою перспективу, – А вот с Прокопычем ты в точку попал. Он действительно никогда не станет начальником, – снова предугадал я развитие событий.

На Прокопыча было больно смотреть. Он покраснел и мгновенно взмок, поглядывая то на меня, то на Леню и не понимая, шутим мы, или говорим серьезно, и откуда у нас такая информация.

– Какой ты сектор возглавишь? А Мазо куда? – наконец пришел в себя Гурьев.

– Свой создам, – не задумываясь, брякнул я и опять угадал свое будущее.

– А кто же возглавит мою группу? – не унимался Прокопыч.

– Отто, – сходу ответил ему и, как оказалось, снова угадал.

– Слышал, Прокопыч? Не я это тебе сказал, – подал, наконец, голос Мокшин...

Что ж, похоже, наш блатной Отто успешно стартовал в гонке на приз в виде заветной должности начальника группы.

Однако через неделю оказалось, что это снова был фальстарт, уже второй по счету. Первым провалом я счел его выходку с моим документом. Но тогда мое мнение о новом сотруднике разделили лишь сам Гурьев, да пара свидетелей события. И только.

Второй провал Отто произошел на глазах всего отдела и оказался необратимым по последствиям – он разрушил его партийную карьеру. Казалось бы, заурядное событие – получасовая политинформация. Что может случиться? Тем не менее, случилось.

Зачитывая газетные новости, Михалыч неожиданно выдал свое видение политической проблемы лагерей палестинских беженцев в арабских странах. По его мнению, предприимчивые палестинцы стали вытеснять с местных рынков «глупых арабов», что и явилось причиной кризиса палестинского движения сопротивления.

– Каких таких арабов? – мгновенно среагировал генерал Халутин, наш «профессиональный» политинформатор, – Что за отсебятину вы несете? Кто вам поручил вести политинформацию?

– Это партийное поручение, – пояснил Отто, – И это не отсебятинка, а мое личное мнение по данному вопросу, – заявил он, вызвав бурный обмен мнениями среди наших партийцев и решительное возмущение генерала.

– Ваше мнение никого не интересует. Политинформация – важное политическое мероприятие. Вам его нельзя было поручать. Вы политически безграмотный человек. И вам не место в партии, – поставленным голосом мгновенно вынес свой приговор генерал.

– Не вам решать этот вопрос. Кто вы такой? – полез в бутылку Михалыч, очевидно не представлявший себе, кто такой генерал Халутин.

Ответом был дружный смех сотрудников отдела. Все тут же самовольно вскочили с мест и направились к выходу, сообразив, что протестовать по этому поводу никто не будет. Вскоре стало известно, что Отто отказали в приеме в партию.

– Не переживай, – успокаивал я его, – Есть еще профсоюз. Можешь там отличиться. А лучше займись делом, а ни общественной деятельностью.

Меж тем над группой Гурьева вновь сгустились тучи. Осенью женился Боря Захаров. Но это важное событие его личной жизни отразилось на группе самым неожиданным образом.

Из всех сотрудников отдела на свою свадьбу Боря пригласил только меня, разумеется, с Татьяной. Обиженный таким непочтением своего оруженосца Гурьев долго ворчал по этому поводу и не разговаривал с ним почти неделю. А мы с Таней впервые попали в знаменитый ресторан «Славянский базар», где и прошло то памятное торжество. Казалось, там все еще витал дух Гиляровского, а снующие официанты, независимо от их возраста, все как один служили в этом ресторане с тех самых пор. Нам понравилась невеста, родители и гости. Свадьба

прошла чинно, с размахом и без происшествий. А мы с Таней были приглашены к молодежи и на следующий день.

Вскоре Боря подал заявление об увольнении по собственному желанию.

– Ну и куда же ты собрался? – спросил сразу заговоривший Гурьев.

– Какая вам разница, Прокопыч, – ответил почувствовавший свою независимость Боря, – Главное, там буду получать в полтора раза больше, чем здесь.

– Где же такие деньги дают молодым специалистам? – удивился Мокшин.

– А там я не буду молодым специалистом. Это здесь, сколько ни работай, все буду считаться юнгой, и носить за Прокопычем документы.

– Чем ты, Боря, недоволен? – обиделся Прокопыч, – Ты же сам себя так поставил.

– А теперь вот выставляю, – завершил разговор Боря. Вскоре его уволили...

Следующим беглецом стал наш ветеран Леня Мокшин. Его уход был скандальным. Много суеты, бесплодных разговоров и уговоров. Леня стойчески прошел все инстанции и вскоре исчез. А через месяц неожиданно объявился ведущим инженером в группе Коли Корженевского.

Группа Гурьева была обескровлена. Снова встал вопрос перераспределения работы. В результате центральный блок Мокшина передали Отто, а разгонный блок Захарова переключал в группу Бойкова. И я опять оказался в гордом одиночестве, но с гигантским объемом работы.

Всю зиму работал, не поднимая головы, а когда поднимал, видел вокруг лишь разброд и шатания. Группа занималась, чем угодно, но не работой.

– Люба, как идет разработка документации блока А? – спросил как-то Степанову.

– Прорабатываю исходную документацию, – профессионально ответила Люба.

– А поконкретней? – попытался хоть что-то уточнить.

– А конкретней... Честно говоря, даже не знаю, что делать, – прямодушно отметила она то, что было видно невооруженным глазом.

– А что Гурьев?

– Говорит, жди Афанасича. Он разработает, а мы все потом по образу и подобию.

– А как же план?

– А в плане пишем – проработка исходной документации.

– Хоть прорабатываете? – спросил я, а в ответ – тишина...

Примерно так же ответили и другие «разработчики» – Отто и Жарова. Ну и ну.

Глава 16. Командировки

Весной меня посетили коллеги из Куйбышева – Маркин и Солдатов. Оказалось, со дня нашего знакомства они уже несколько раз бывали в Москве, но ввиду занятости так и не смогли встретиться ни с Кузнецовым, ни со мной. Сейчас же они приехали с реальным планом создания универсального оборудования для испытаний пневмогидравлики ракет, который мы обсуждали еще до начала работ по программе «Буран».

– Знаешь, Толя, – сказал Маркин, – Наше КБ сейчас может заказать такое оборудование для центрального блока. А вы сможете применить его для всего «Бурана». Гена уже поработал с нашими конструкторами и привез схемы типовых модулей. Хотелось, чтобы ты посмотрел и дал свою оценку.

– Нет проблем, Саша. Посмотрю с большим интересом.

– И еще... Ближе к лету мы собираемся в Харьков. Наше КБ там заказывает арматуру. Хотим предложить им делать наши модули... Сможешь составить нам компанию?.. С Мазо я договарюсь... Заодно Харьков посетишь. Бывал там раньше?

– Еще бы! Мой родной город.

– Вот здорово!.. А то ни Гена, ни я в Харькове еще не были, – обрадовался Маркин.

Целую неделю мы с Солдатовым правили схемы и спорили до умопомрачения. К концу недели облик оборудования «нарисовался», и мы расстались, довольные друг другом...

Ближе к майским праздникам позвонил Боря и сообщил неожиданную новость – наша «тетя Клава московская», как мы ее называли, чтобы отличать от тети Клавды Зарецкой, решила навсегда уехать из Москвы. Оказалось, выйдя на пенсию, она все лето и осень прожила в Харькове. И ей настолько понравилось, что за зиму нашла выгодный обмен.

Тетю Клавду московскую я любил с детских лет. Она ассоциировалась у меня с Москвой. Проездом в Кораблино мы всегда останавливались в ее коммунальной квартире в Оболенском переулке. Позже в той квартире остался Боря с семьей, а тете Клавде дали комнату на Фрунзенской улице. Соседей стало меньше, но квартира, как и в Оболенском, была коммунальной. А тетя всю жизнь мечтала об отдельной квартире. Похоже, что только путем обмена ей, наконец, удалось осуществить свою мечту.

А мне стало грустно. Без тети Клавды московской Москва, казалось, станет совсем другим городом. К тому же, где теперь будет останавливаться мама, приезжая в Москву? Как мы обрадовались, когда в начале декабря получили ее телеграмму. А вечером позвонил Боря, и оказалось, мама и тетя Клава едут из Харькова вместе. Мы встретили их и привезли на Фрунзенскую. И вдруг мама заявила, что не поедет ко мне, а останется у тети Клавды. Вскоре приехала тетя Нина из Кораблино, и 9 декабря мама и обе тетушки все-таки приехали поздравить меня с днем рождения. Но остаться у нас категорически отказались. Это было лишь временное перемирие. Военное положение сохранялось...

И вот накануне майских праздников мы с Борисом и Геней проводили тетю Клавду московскую в Харьков. А вскоре мне пришлось навещать Бориса в больнице. Он попал туда с тяжелым приступом, и ему предстояла сложная операция.

Я ехал к нему с камнем на душе, а Боря встретил меня в палате, как всегда, бодро и даже весело. Вокруг стояли капельницы и другие медицинские приборы, а он шутил и смеялся.

– Боря, что с тобой? Действительно так серьезно? – взволнованно спросил я любимого брата.

– Серьезней не бывает, – с улыбкой ответил он, – Легко можно дуба дать... Да не переживай ты так, Толик. Еще погуляем с тобой напоследок.

– Ну, ты даешь, Боря, – поражался его словам, которые никак не вязались с его крепкой фигурой и бодрым состоянием духа, – А может все обойдется? Я вижу, ты-то не унываешь.

– Не обойдется, Толик... А уныние – последнее дело. Попал в дерьмо – не чирикай... Улыбнись, Толик... Еще успеете меня схоронить.

Меня же охватил ужас от одних только его слов. Неужели человек в ожидании близкой смерти действительно видит мир по-иному и может радоваться каждому из немногих оставшихся ему дней? Ведь и Людочку я не видел грустной в ее последние дни. Лишь однажды, да и то ненадолго. А она-то знала свой смертный приговор – «стопроцентный летальный исход».

Недели через две Бориса выписали. Я навестил его уже в Измайлово. Он, как обычно, был занят фотографией. Было впечатление, что все наладилось. Боря ни о чем не рассказывал, а я старался его не тревожить. И так было, о чем поговорить.

– Выпить хочешь? – неожиданно предложил брат.

– Страстного желания не испытываю, – ответил, зная, что Борису нельзя, а я его буду только смущать.

– А я вот испытываю, – вдруг заявил он и откуда-то из-под стола достал бутылку коньяка и лимончик.

– Боря! Тебе же категорически нельзя! – ужаснулся я.

– Мне теперь все можно, Толик, – ответил он, налил рюмку и тут же залпом выпил. Потом налил мне и снова себе, – За полгода не сопьюсь, а сопьюсь, легче помирать будет. Ну, давай... За здоровье, которого нет.

Мы выпили, а Боря, похоже, останавливаться не собирался.

– Хватит, – решительно остановил его.

– Ну, хватит, так хватит, – спрятал он бутылку и снова принялся за дело.

Вскоре мы распрощались. Оказалось, навсегда. Живым я его больше не видел, хотя раза два мы говорили по телефону...

Сразу после праздников меня снова направили в Днепропетровск. В этот раз со мной ехал представитель Службы Главного конструктора Виктор Милованов. В гостинице нас поселили в одну комнату. Казалось, так веселей, но неожиданно Виктор заболел. На заседания пришлось ходить одному, а по вечерам ухаживать за больным. Собрав силы, Милованов на пару дней все-таки вышел на работу. Но после этого ему стало еще хуже. Продержавшись неделю, мы уехали. Уже в Москве выяснилось, что у него было воспаление легких.

Я был расстроен, что так и не удалось выбраться в Харьков. Утешался надеждой на возможную поездку с Маркиным и Солдатовым.

И они не заставили себя ждать. В разгар лета объявились у нас. Пробыв неделю в Москве, они собрались выезжать в Харьков в воскресенье. По договоренности с Бродским, выехал в пятницу с тем, чтобы выходные провести у родителей.

В воскресенье планировал съездить к маме Людочки, чтобы узнать, где теперь могилка любимой. Я даже не надеялся, что удастся попасть к моей святыне в этот приезд, но хотелось хотя бы узнать, где она.

Увы... Мне не удалось даже это. Уже с утра к нам в гости пришли две незнакомые девицы. Думал, что это подруги младшего брата, но его дома не было. Неожиданно засуетилась мама, а меня вдруг стали мучить подозрения – уж ни для меня ли она так расстаралась. Обе девушки молодые, симпатичные. Одна даже чем-то напоминает Валю-Валентину, но в упрощенном исполнении.

– А это и есть ваш знаменитый Толик, тетя Надя? – бойко спросила та, которая похожа, – Ничего... Похож, – тут же выдала она оценку. Ну и ну...

– Он самый и есть, – взял инициативу в свои руки, – И действительно пустое место, да и похож, разумеется, – завершил свое представление с нескрываемой досадой. Девчонки неожиданно звонко рассмеялись.

– Да вы не обижайтесь, – сказала самая бойкая, – Тетя Надя нам все уши прожужжала про Толика... А почему вдруг пустое место? – все еще смеясь, спросила она.

– Потому что «ничего» это и есть пустое место, – сердито ответил ей, раздосадованный нелепой инициативой матери, а вовсе не высказываниями самоуверенных девиц, – Ладно, вы тут пожужжите с тетей Надей, а я пойду по своим делам.

– Куда вы пойдете? Мы же на вас пришли посмотреть, Толик, – подключилась подруга «бойкой», – А вы действительно похожи.

– На кого, интересно? – спросил, все больше раздражаясь бесцеремонностью молодых нахалок.

– На вашу фотографию.

– Это фотография на меня похожа, но никак ни наоборот, – ответил им, собираясь немедленно уйти. Во мне все кипело от негодования. «Ну и мама... Сразу двух вытащила... На выбор... Как на базаре... Бред какой-то», – с досадой размышлял я о сложившейся ситуации, – «Интересно, сообщила ли им, что я женат и у меня ребенок?.. Скорее всего, сообщила... Но для них это, похоже, не преграда. На редкость бойкие девицы. Особенно первая, которая Валю напоминает. Мать, скорее всего, именно ее и выбрала для меня. А вторая, точно – подружка».

– Ну, ладно, – вдруг решила «бойкая», – Раз вы не хотите нас развлекать, то хоть до дома проводите.

– С удовольствием, – вырвалось у меня. Девчонки опять рассмеялись.

– Ловим на слове, – смеясь, сказала «бойкая», – Меня зовут Таня, а подругу Галя, – представились они, наконец.

– Очень приятно. Значит, в тандеме работаете? – кивнул я, – Что ж, пойдете, – предложил подругам. Они же снова рассмеялись, чуть ни до колик. Я же сурово молчал.

– Ну, уж нет, – отсмеявшись, сказала Таня, – Нам еще с тетей Надей поговорить надо. Так что ждите, Толик, раз слово дали, – снова рассмеялась она, и подруги действительно ушли к матери. «Ну, теперь все косточки промоют, шустрые девицы... Интересно, долго мне их ждать?.. Вот сдуру согласился их проводить... Так я к Людочкиной маме могу не попасть», – размышлял, досадуя, что зазря только теряю столько времени.

Прошел час, пошел второй. Я уже понял, что мои планы сорваны окончательно. Наконец они появились.

– Мы готовы, Толик, – объявила Таня. Я встал, демонстрируя готовность проводить неожиданных гостей.

– Ну и где вы живете? – спросил, пытаясь оценить, сколько еще времени отнимут вынужденные проводы.

– На Салтовке. Надеюсь, знаешь, где это? – непринужденно перешла на «ты» Таня. Что ж, поддержи. Надоели эти китайские церемонии невесты с кем.

– Надейся... А поближе не могли устроиться?.. Давайте так. Ловим такси, я оплачиваю проезд и отправляю вас с ветерком. Идет?

– Не идет... Едем общественным транспортом. По дороге хоть пообщаемся... Сегодня, Толик, ты просто так от нас не избавишься, – уверенно заявила бойкая Таня. «Вот влип», – подумал я...

Ох уж эти новые районы. Во всех городах они, как близнецы. Даже проблемы те же. И главная из них – транспортная. По пути с множеством пересадок из одного переполненного автобуса в другой было не до разговоров. Наконец за час мы все же добрались до типовой девятиэтажки, где проживала Таня.

– Нет, Толик. Мы тебя без угощения не отпустим, – объявила свое решение Таня, едва попытался распрощаться, – К тому же у меня к тебе серьезное дело.

– Странно. Какие у нас с тобой могут быть дела? – с досады схамил я.

– Могут. Да еще какие, – улыбаясь, многозначительно сказала Таня. «Ну и ну», – единственное, что пришло в голову от такой неслыханной дерзости молоденькой девушки.

Типовая девятиэтажка, типовая мебель. Глазу зацепиться не за что. Нет. Все-таки оказалось нечто нетиповое – пишущая машинка.

– Кто печатает? – спросил Таню, кивнув в сторону машинки.

– Никто... Она неисправна. Отец откуда-то притащил.

– А что с ней? Можно посмотреть?

– Сколько угодно, пока ужин сготовлю.

Спорить не стал. Все. Воскресенье потеряно для моих дел. И я занялся машинкой. Агрегат оказался в полном порядке. Лишь в нескольких местах соскочили пружинки.

– Отвертка есть? – спросил Таню.

– Нет, – весело ответила она, – У нас инструмент не водится. Мужиков в доме нет.

– А отец? – удивился я.

– Он не по этой части.

– Давай тогда консервный нож.

– Тоже нет.

– Тогда обычный, – попросил я.

Вскоре машинка застрекотала, как новенькая.

– Работает? – удивилась Таня.

– А то! – с гордостью ответил ей, – Бумага хоть есть?

Я вставил лист и машинально напечатал первое, что пришло в голову:

Что со мной случилось?

То смеюсь, то плачу.

Может быть и правда

Потерял удачу?

Может быть и верно —

Моя карта бита?

И мечта святая

Саваном покрыта?

Много ли мне надо,

Что не успокоюсь?

Или мне не хватит

Гробовой доски?

Но весенним садом

Проходя порою,

Я, смеясь над жизнью,

Плачу от тоски.

– Чьи это стихи? – вдруг спросила Галя, тихо стоявшая позади меня.

– Есенина, – не задумываясь, ответил ей, чтобы отвязаться.

– У Есенина нет таких стихов.

– Надо же! Откуда ты знаешь?.. Это из неопубликованных.

– А откуда ты знаешь, если оно не опубликовано?

– Мне его прочел «Клюев, ладожский дьячок».

– «Его стихи, как телогрейка?» – рассмеялась Галя, – Толик, ты, конечно, шутник, а я, между прочим, филолог... Раскалывайся, твои стихи?

Я кивнул. Галя тут же выкрутила листок из машинки и убежала с ним на кухню к Тане. А я сидел, пораженный тем, что произошло...

Я впервые увидел свое стихотворение в отпечатанном виде. Пусть даже на машинке. Ведь все, что было до сих пор – это мои рукописные тетрадки, которые исчезли в архивах спецслужбы училища. Еще два стихотворения пылятся где-то в делах психиатрического отделения, да в письме, которое отправил оттуда Дудееву. И это все... Все остальное лишь кружится в моей голове... До сих пор... То возникнет под настроение, то пропадет... А сколько их уже пропало навсегда? Особенно тех, которые так и оставил в памяти, не записывая ни разу... Десять лет пролетели, как один день. Десять лет без Людочки...

Неожиданно навалилась тоска. Причем такая, что захотелось плакать. Я сидел перед машинкой, не в силах сдвинуться с места. Сколько так просидел, даже не представляю, потому что очнулся, когда почувствовал, что в комнате стало совсем темно.

Внезапно зажегся свет, и удивленная Галя спросила:

– А почему ты сидишь в темноте? Мы с Таней не хотели тебе мешать. Думали, машинку ремонтируешь.

– Да она уже давно готова. Так, задумался слегка.

Меня пригласили на ужин. Девушки расстарались. А после бутылки ликера захотелось подурачиться. Рассмешив девушек парой анекдотов, поймал себя на мысли, что нестерпимо хочется вновь сесть за печатную машинку.

– Толик, а у тебя есть еще стихи, или то единственное? – очень вовремя спросила Галя.

– Почему единственное? Просто они нигде не записаны.

– Как так? – удивилась Галя.

– Большинство помню наизусть. Много уже забыл. Но все это было, прошло и никому уже не надо.

– Почему не надо? Стихи хорошие. Напечатай еще, пожалуйста, – попросила она.

Я с радостью сел за машинку и потерял ощущение времени. Я печатал, а девушки читали. Мне кажется, напечатал тогда не меньше ста стихотворений, потому что очнулся, когда кончилась бумага. Глянув на часы, ужаснулся. Было уже десять вечера...

Мы проводили Галю, и подошли с Таней к автобусной остановке.

– Толик, не знаю, с чего начать, – неожиданно очень серьезно обратилась ко мне Таня.

– Если не знаешь, начинай сначала, – ответил ей банальной фразой.

– Ты меня должен понять, Толик... Все твои стихи об этом... Я читала и едва ни плакала от избытка чувств... Ты должен понять, – тихо сказала девушка, и внезапно обняв меня и уткнувшись мне в грудь, действительно расплакалась. Я не знал, что делать. Вот это сюрприз.

– Успокойся, Таня, не плачь... Это пройдет... Все проходит, – безуспешно пытался успокоить плачущую девушку. «Что она себе вообразила? Что ей наговорили обо мне? Да и я, дурак, вывалил свои стихи на благодатную почву. Влюбил в себя готовую на подвиги молодую девушку. И что теперь делать?» – размышлял, действительно не представляя, как выйти из создавшейся ситуации.

– Это уже не пройдет, – сквозь рыдания произнесла, наконец, Таня, – Я знаю... Помоги мне, Толик, – попросила девушка и снова заплакала.

– Чем же я тебе помогу, Танечка?... Ты молодая, красивая... У тебя все впереди. Забудь это наваждение. Все это тебе только показалось. Да еще тебе что-то моя матушка наплела. Вот ты и подумала, – попытался я уговорить девушку, которой уже в какой-то степени сочувствовал. «Ну, мама, даешь... Вот это подготовила себе невестку», – мелькнуло в голове.

– Нет, тетя Надя сегодня подтвердила. Теперь все от тебя зависит, Толик, – настаивала влюбленная девушка.

– Что я должен для тебя сделать, Танечка? – решил я таким способом повлиять на ситуацию. Я знал, что четко поставленный вопрос нередко отрезвляет, потому что заставляет оппонента предлагать конкретные решения. А это непросто.

– Ты можешь отвезти меня в Кораблино? – тут же последовал неожиданный, но конкретный вопрос.

– Зачем?

– Я хочу поговорить с ним еще раз. Ты же знаешь, он бросил институт и уехал. Ничего никому не сказал. Все бросил. А я люблю его и не знаю, как дальше жить, – открыла мне сердечную тайну Таня.

Боже мой! Какой же я самонадеянный болван. Она, оказывается, любит Шурика. А я что подумал?.. Ну, полный идиот... Хорошо, процесс объяснения не зашел слишком далеко. Вот бы удивил ее, если бы вдруг заявил, что она мне тоже нравится, и я готов изменить свою жизнь. Представляю, как бы весело она смеялась...

– Что же тебе посоветовала тетя Надя? – с облегчением спросил девушку.

– Она сказала, что в Москву ты можешь вернуться через Кораблино. И я могла бы поехать с тобой. Это лучше, чем ехать одной. И Шурик, и его родители все поймут правильно, если ты меня привезешь. Ну, как? Согласен? – выпустила меня, наконец, из объятий Таня.

– Что ж, разумный совет. Согласен, – улыбнулся девушке. Она, наконец, тоже улыбнулась, вытирая слезы...

Домой попал за полночь. Меня ждали. Удивились, что отказался ужинать. Тут же лег спать, вызвав еще большее удивление родителей...

Не спалось. Я все еще был под впечатлением от пачки листов, на которых впервые увидел отпечатанными мои стихи. До сих пор за все время их прочли лишь несколько человек, потому что всегда считал свои сочинения личными и адресованными только людям, которых любил. И вот их впервые посмотрел человек, способный профессионально оценить мои творения. Мне показалось, они очень заинтересовали молодого филолога Галину. Она аккуратно сложила все отпечатанные листочки в папку и попросила разрешения почитать дома. Зачем-то разрешил. Зачем, спрашивается?..

Неожиданно увидел Бориса. Он развешивал для сушки фотографии. На натянутых под потолком струнах их помещалось великое множество.

Вглядевшись, обнаружил на них свои стихи.

– Боря! Что за номер? – жестом показал на фотографии.

– Да вот Галка дала размножить и продать.

– А откуда ты ее знаешь?

– Шурик познакомил, когда был в Харькове.

– Нормально... Дал ей посмотреть, а она вон что надумала. Вот тебе и филолог, – возмутился я, – Боря, это же мои стихи.

– Ну и что? – нисколько не изумился брат, – Они, собственно, никому не нужны. Ты посмотри сюда, – перевернул он фотографию.

А там, в стремительном полете застыла изумительной красоты молоденькая гимнасточка в открытом купальнике. «Да это же Людочка», – остолбенел от неожиданности.

– Боря, откуда у тебя это? – выдавил я, наконец.

– Нравится?.. Мне тоже... Не меньше тройка буду брать за каждое фото... У одного фотографа купил. Бешеные деньги отдал... Все окупится. А стихи – прикрытие.

– Боря, это моя Людочка, когда она стала чемпионкой города. Нельзя ее продавать в электричках, да еще с моими стихами, посвященными ей.

– Почему нельзя?.. Дурак ты, Толик. Потому и живешь хреново... Ладно, давай выпьем, – достал он из-под стола четверть какой-то мутной жидкости, – Мерепьянский самогон. Горит, сволочь. Галка привезла вместе с твоими дурацкими стихами.

– Боря! Тебе же нельзя пить! – возмущенно крикнул я и с силой ударил бутылку ногой. Она слетела со стола и с грохотом разбилась...

Я мгновенно очнулся ото сна, а грохот, казалось, еще висел в воздухе.

– Что случилось? – пробежал на кухню отец.

– Да грохнул твою бутылку с вином, – послышался голос брата...

«Надо бы позвонить Борису. Как он там?.. Придумать такое... За тройку продавать мою Людочку вместе с моими стихами... Ну и Боря», – размышлял я засыпая...

Утром встретил на вокзале Маркина и Солдатова. А уже через полчаса мы были на Холодной горе, где располагалось крошечное аккуратное предприятие – цель нашей командировки. Познакомились с руководством, сдали документацию. Ребята отправились устраиваться в гостиницу, а я, наконец, поехал к Людочкиной маме.

Дома снова никого не оказалось. Решил подождать. Через полчаса выглянула бдительная соседка, заподозрившая неладное.

– Что вы здесь делаете? – спросила она через дверную цепочку.

– Жду ваших соседей. Не знаете, скоро они будут?

– Не знаю. Я за ними не слежу.

– За мной же следите... Мне тетя Валя нужна или Светланка, – уточнил я.

Цепочка тут же была сброшена и соседка вышла на площадку.

– То-то вижу, мне ваше лицо знакомо... Вы к Людочке приходили, когда она болела.

– Совершенно верно... А так вот уже много раз приходил, но никого не могу застать.

– И не застанете... Хозяева квартиры на отдыхе, будут нескоро. Меня попросили следить за цветами и вообще... Впрочем, зачем это вам?.. Вы, похоже, не в курсе.

– Не в курсе чего? – обеспокоено спросил я.

– Значит, не знаете, – она вдруг всхлипнула и замолчала, – Валечка умерла год назад...

Так тосковала по Людочке, так тосковала... А когда Светка вышла замуж и ушла жить к мужу, совсем сдала. Когда болела, все просила, чтобы похоронили рядом с Людочкой... Не получилось... Родственники гроб увезли. Сказали на родину.

– Ни в Коробочкино?

– Не знаю, не слышала.

– А где Света живет, случайно ни знаете?

– Нет. Не знаю. Она с похорон матери здесь больше не появлялась. Да и зачем? Отец ее уже через месяц женился. Что ему траур. Вот она и обиделась... А через полгода он квартиру разменял. Так что здесь давно другие люди живут.

– Да-а-а... Как же узнать, куда перенесли могилу Людочки? Ума не приложу.

– Пожалуй, кроме родственников никто не скажет.

– Где они эти родственники?.. А можно зайти в квартиру?

– Пойдемте, – не стала препятствовать соседка. Она открыла квартиру, и я вошел туда, где когда-то жила и умерла любимая.

Я прошел в ее комнату... Вот здесь стояла кровать... Людочка полулежала, облокотясь на подушки, а я сидел рядом на стуле, близко-близко. Именно тогда мы с Людочкой заново открывали друг друга после нашей долгой разлуки. Мы говорили часами, а когда Людочка, утомившись, спала, сидел рядом и неотрывно смотрел на нее – так она была прекрасна, первая любовь моя...

А в этой комнате она прожила свои последние месяцы. Здесь я узнал ее страшный приговор. Здесь мы объяснились, и у нас появилась надежда... Здесь мы простились с моей Людоч-

кой навсегда, даже не догадываясь об этом. С этого места я увидел ее живой в последний раз. Она, как всегда, улыбнулась мне, подняв руку в нашем традиционном приветствии. Что же тогда творилось в ее душе?..

А в этой гостиной мы отмечали нашу помолвку. В тот день мы были счастливы, несмотря ни на что...

Где ты сейчас, любимая?.. Похоже, я так никогда и не поверю, что тебя нет, и никогда больше не будет. Твое прекрасное тело уже бесследно растворилось в окружающей немой Природе – стало землей, водой, воздухом... А твоя душа?.. Иногда мне кажется, ты где-то рядом, совсем близко. Стоит только руку протянуть... А иногда даже думаю, что ты – это я. Мы давным-давно стали с тобой одним целым и умрем когда-нибудь вместе, в одно мгновение, когда в мой роковой час твой фантом, живущий во мне, придет проститься со мной навсегда, чистая и светлая любовь моя...

– Как устроились? – спросил Маркина и Солдатова, стоявших у окошка бюро пропусков.

– Великолепно! – восторженно ответил Гена, – Номера люкс. Чистота стерильная. В номере все, что надо для жизни. Никогда ничего подобного не видел... Единственная проблема – во всей гостинице только мы с Сашкой, да обслуживающий персонал.

– Это же хорошо.

– Что хорошего? Поговорить не с кем. Обслуге некогда, а мы уже друг другу надоели.

– Ну, Гена, должны же быть хоть какие-то недостатки.

– Это точно... Кстати, Толя, нам сказали, что здесь недалеко можно хорошего пивка попить. Чуть ли ни завод какой-то рядом.

– Не какой-то, а «Бавария». Не помню, правда, какая. То ли «красная», то ли «червона», то ли «новая». Всего две остановки трамваем. Мы вчера мимо проезжали.

– Может, съездим в обед?

– Лучше, Гена, после работы, а то с обеда поедим не на работу, а прямо в гостиницу. Там пивопровод выведен в киоск прямо из цеха. Так что пиво никогда не кончится. Успеем.

День прошел на редкость плодотворно. Было много вопросов. Еще больше проблем. Но сказались преимущества небольшого предприятия – все решалось оперативно. Да и мы не выглядели заскорузлыми догматиками. Реагировали мгновенно, спорили, предлагали, отвергали или принимали. К концу дня всем все стало ясно до последнего винтика. И нас обрадовали тем, что пообещали за ночь изготовить несколько модулей оборудования. Такой оперативности мы не ждали.

Это стоило отметить. И мы направились на экскурсию к пивопроводу...

Весь следующий день провели в экспериментальном цехе. Именно здесь рождалось «железо», постепенно приобретая вид задуманного оборудования. Утром забраковали все, что было сделано. Но уже к вечеру получили, наконец, что хотели.

И снова ребята проводили меня лишь до пивопровода...

На четвертый день стало понятно, что наша миссия завершена. От нас больше ничего не зависело. И мне, наконец, удалось показать ребятам город, в который они так ни разу и не выбрались. Показал все достопримечательности, и даже посмотрели фильм Тарковского «Сталкер». Гена был оскорблен до глубины души.

– Так изуродовать произведение... Это уметь надо... Книжку читал, оторваться не мог, а здесь ждал, когда кончится эта галиматья.

Я не спорил, потому что книжку не читал, а вот фильм понравился. Саша Маркин тоже молчал. Похоже, наши мнения совпали, а спорить с Генкой нам не хотелось.

– «Сталкер» посмотрел, – уже вечером похвалился младшему брату.

– Ну, как? – мгновенно оживился он.

– Нормальный фильм.

– Нормальный?! – взорвался Володя, – Толик! Да это же шедевр! А ты говоришь, нормальный... Ну, Толик.

– А моему коллеге вообще не понравился. Говорит, весь сюжет перепутан.

Володя искренне рассмеялся.

– Причем здесь сюжет? Там каждый кадр – картина. Каждый поворот головы любой из фигур – новая картина. А вы что смотрели?.. С таким вкусом только боевики смотреть. Там сюжета хоть отбавляй, – смеялся ХУДОЖНИК...

Последний день командировки оказался самым насыщенным. Целый день мы собирали из модулей различные комплекты оборудования для испытаний центрального блока. Маркин набрасывал схемы участков, а мы с Геной предлагали схемы проверок и компоновали оборудование. Одну из схем удалось проверить в комплексе. Мы были довольны. Глядя на нас, радовались инженеры и рабочие завода. Командировка удалась.

А в субботу мы с утра встретились с Таней.

– Галка отдала мои стихи? – спросил, едва она появилась.

– Нет. Она их изучает и хочет кое-кому показать.

– Танечка, вы знакомы с Борисом из Москвы? Он как-то приезжал к нам в Харьков.

– Нет, впервые слышу.

– А Шурик о нем ничего не рассказывал?

– Нет.

– А Галка не может его знать?

– Откуда. Она и Шурика не знает. Только по моим рассказам.

– Танечка, заведи у нее все, что я напечатал и сожги. Сделаешь?

– Толик, зачем? Мне они так понравились.

– Танечка, я тебя очень прошу. Это мое личное. Не надо ничего никому показывать.

– Хорошо, сделаю, – пообещала она. Я облегченно вздохнул.

А вечером мы с Таней выехали в Воронеж. Ночью в Лисках сделали пересадку и в воскресенье утром уже были в Кораблино.

Удивленное лицо Шурика, радостные лица его родителей, когда слегка намекнул, кого им привез. Шурик поразил своей глубокой апатией. Куда делась его энергия, от которой хоть спички зажигай? Мне даже показалось, что он не в меру раздобрел на своей работе дежурного электрика. Ну и парочка – дядя Ваня пожарный и Шурик дежурный.

В дороге мы с Таней так и не уснули на сидячих местах. Мы говорили и говорили. Тогда-то узнал, что случилось с Шуриком. Ведь Таня знала об этой истории даже то, о чем Шурик и не догадывался. Не удивительно, ведь она, оказывается, работала секретарем факультета и часто писала протоколы заседаний. Многие она слышала и от самого Шурика. Особенно, когда начали, было, складываться какие-то отношения.

По мнению Тани, Шурик глубоко страдал от ощущения своей ущербности в сравнении с элитной публикой их странного учебного заведения. Тане так не нравились те студенты – наглые молодые люди, единственной заслугой которых были их высокопоставленные родители. Шурика она заметила лишь потому, что он разительно отличался от них.

Он преуспел в учебе, быстро выдвинулся в секретари комсомольской организации, стал бессменным командиром всевозможных студенческих отрядов. Он был модно и богато одет. И лишь по одному пунктику сокурсники не воспринимали его всерьез – слишком скромное положение его родителей.

Шурик попробовал, было, как говорят, пустить пыль в глаза, но впоследствии именно это и стало причиной его поспешного бегства не только из института, но и из города.

Так его отец, рядовой пожарный, превратился у него в начальника пожарной охраны крупной нефтебазы, а мать, простой контролер-ревизор – в управляющую госбанком.

– Шурик, ты же вроде из деревни, – зная слабое место «командира», подшучивали «подчиненные» его студенческого отряда, – Какая там у вас нефтебаза? Бочку горючего завезли? Или сразу две? А твой отец сторожит, чтобы не стащили или окурок рядом не бросили?.. А госбанк? Наверняка у вас даже сберкассы нет.

Движимый справедливым негодованием, Шурик взрывался.

– Кораблино – город республиканского подчинения, – тут же повышал Шурик статус своего поселка городского типа, – У нас даже текстильный комбинат всесоюзного значения. А нефтебаза тем более... И банков в городе несколько. Мать центральным управляет, – врал он напропалую, зная, что никто эти данные проверять не станет.

Еще как проверили... Правда, вышло все случайно. Началось с того, что Шурик попросил место в общежитии, ссылаясь на скромное материальное положение семьи. Факультет затребовал справки о зарплате родителей. Справки, как водится, подшили в папку документов, где они и были обнаружены кем-то из любопытных сокурсников.

Видела их и Таня, работавшая секретарем. Она тоже удивилась официальным сведениям, поскольку Шурик и ей сообщил неправду о своих родителях. Но в отличие от студентов, она восприняла информацию не со злорадством, а, наоборот, с облегчением, поскольку равнодушный ей человек из недоступных небожителей обратился в простого смертного. Это давало надежду.

Студенту, сообщившему сенсационную информацию, не поверили. Все уже давно привыкли к легенде, которую когда-то донес до них их факультетский лидер. Информация о скромном достатке его родителей казалась неправдоподобной. Конечно, Шурик не имел собственного автомобиля, как большинство студентов, но он снимал комнату и даже в колхозе не расставался с атрибутами богатства – со своим ЗОЛОТОМ.

Один из сокурсников сказал, что его отец может без труда установить истину о родителях Шурика. И уже через неделю на Шурика обрушился град насмешек его бывших «товарищей», когда-то поверивших в его высокий социальный статус. Шурик тут же был объявлен лжецом, выскочкой и даже мошенником и карьеристом. Конец его общественной карьеры был предопределен. И Шурик, почувствовавший себя изгоем, ушел из института. Решительно и бесповоротно.

Мне кажется, сокурсники, в конце концов, простили бы ему в принципе безобидное вранье. Посмеялись бы вволю и простили, понизив, разумеется, его «незаслуженно» высокий социальный статус. Но Шурик совершил непоправимую ошибку – он захотел возвыситься над ними, не имея на то морального, в их понимании, права.

Он с упоением командовал теми, кто когда-то его презирал или не видел в нем личности, достойной внимания. Он стал властным, нетерпимым, заносчивым. Некоторые сокурсники, рассказала Татьяна, его побаивались. Не удивительно. Добиваясь исполнения своих «приказов» всеми без исключения «подчиненными» стройотряда, Шурик вместо аргументов нередко пускал в ход кулаки. Вот где емугодились боксерские навыки.

Об этих «подвигах» Шурика стало известно на факультете. Замять скандал удалось с большим трудом. Шурик, разумеется, выводы сделал, но от этого не стал мягче в обращении с сокурсниками, особенно, когда имел властные полномочия. А потому развенчанный Шурик ни у кого не вызвал сочувствия. Более того, многие потребовали лишить его всех общественных постов. И когда стало известно, что руководство факультета готово с этим согласиться, Шурик исчез.

В институте он появился лишь через месяц с тем, чтобы забрать документы. С Таней он так и не попрощался. Влюбленная девушка не знала, что делать. Они не ссорились. Просто

Шурик оборвал все связи в Харькове в одностороннем порядке. Лишь через год Таня познакомилась с моим братом, от которого узнала, где и как живет ее Шурик.

А через полгода она познакомилась с моей мамой, когда та приезжала на старую квартиру. Маме Таня понравилась. Она даже написала о ней тете Нине. И сестры пришли к выводу, что Таня не только сможет вытащить Шурика из состояния прострации, но и поможет восстановиться в институте. Моя командировка в Харьков стала катализатором процесса реабилитации Шурика...

За день убедился, что Таню приняли не только родители. Ее приезду обрадовался Шурик. Он менялся на глазах. И во второй половине дня я увидел прежнего Шурика. Моя миссия была завершена, и вечером со словами благодарности меня проводили в Москву...

Выслушав мой доклад о неожиданных результатах нашей харьковской командировки, Бродский тут же пошел к Шабарову.

– Анатолий, срочно вылетай на полигон, – передал Бродский решение Шабарова, – Там Данилов распределяет помещения контрольно-испытательной станции. Надо выбрать комнаты под испытательное оборудование. Только ты сможешь сделать это грамотно. К тому же ты пока единственный в КБ, кто представляет, как оно выглядит, – пошутил Эмиль Борисович.

– А кто такой Данилов? – спросил Бродского.

– Да... Ты еще не знаешь... Данилова назначили Главным конструктором технической позиции... А так ты его знаешь. Это начальник сто двадцать четвертого отдела.

– Знаю, конечно... Только удивился, почему он распределяет помещения КИСа.

В ту двухнедельную командировку мы вылетели с Сергеем Гарбузовым. Он, правда, направлялся по своим делам, связанным с разгонным блоком. Я впервые вылетал с аэродрома предприятия. Ранним утром с вещами приехал к завкому. Полупустой автобус доставил нас во Внуково, где вылетающих пересчитали, загибая пальцы, и жестом показали на транспортный самолет: «Садитесь».

В грузовом отсеке самолета оказались и обычные пассажирские кресла, хотя совсем немного. Пассажиров оказалось еще меньше, и Сергей, привычно разложив три кресла, тут же организовал импровизированную койку. Я же занял местечко у окошка, чтобы без помех наблюдать за взлетом и посадкой.

– Мужики, сейчас взлетаем. Рассаживайтесь по местам и пристегнитесь хотя бы для вида, – обратился к нам какой-то суетливый молодой мужчина, буквально влетевший откуда-то в салон.

– Да не переживай ты за нас, Витя. Грохнемся, никакие ремни не спасут... Лучше принеси по стопарику чего-нибудь, а то пить не из чего. И по конфетке на закуску, – пробасил один из группы пассажиров, которые, образовав своеобразный кружок по интересу, уже минут десять шумно резались в карты.

Некоторые из них все же вняли здравому призыву бортпроводника, пересели в свободные кресла и пристегнулись. Глядя на них, пристегнулся и я.

– Ну, народ! Уже готовы приступить... Дождались бы хоть, пока взлетим, – проворчал бортпроводник и скрылся.

Меж тем наша «корова» вырулила на ВПП и тяжело взлетела.

– Сережа, сколько времени нам лететь? – спросил своего попутчика, уже летавшего транспортными рейсами.

– Часов шесть, если без посадки в Самаре. Так что советую поспать. Сегодня повезло. А бывает, кресел не хватает. Народ сидит на вещах, а то и прямо на полу.

– А нормальных самолетов разве нет?

– Есть, конечно. Там мест намного больше, но тоже бывает под завязку. Да и не поспишь, как здесь. Я больше люблю этот самолет, особенно, когда пассажиров мало, как сегодня.

Делать койку не стал, и долго-долго смотрел в иллюминатор, размышляя о предстоящей встрече с полигоном, где не был больше четырех лет... Даже не заметил, как задремал... Проснулся от каких-то диких криков. Оглядевшись, увидел, что за время моего сна бывшая компания картежников превратилась в агрессивную группу собутыльников, бурно выясняющих отношения. Самого шумного из них бортпроводник уже решительно привязывал к креслу, а тот безнадежно сопротивлялся экзекуции и вопил на весь салон.

– Сегодня же на всех подам жалобу! – ругался бортпроводник, – Надоел ты мне! Не умеешь пить, не пей! – возмущался он, воюя с пьяным дебоширом.

– И тебя разбудили? – обратился к Сереже, – И часто такое бывает?

– Да нет... Но этот тип почти всегда как напьется, буянит.

– А куда остальные смотрят? Почему не угомонят? Ведь действительно могут из-за жалобы лишить командировок.

– Да никто ничего писать не будет. Витя только угрожает, но ни разу никого не обидел. А для остальных это просто развлечение. Зачем им вмешиваться?

– Ну и ну... И как это только бортпроводник терпит?

– Это его работа. Что ему еще здесь делать? Это же не пассажирский рейс. Там все чин по чину. А здесь, – Сережа безнадежно махнул рукой и снова задремал...

И вот мы, наконец, вышли на раскаленный трап и мгновенно оказались в жаркой сауне пика казахстанского лета. Нестерпимо захотелось пить.

– Быстрее в автобус, – поторапливал водитель, – Мне уже домой пора, а тут вас еще на площадку везти, – делился он своими трудностями, недовольно поглядывая на угрюмо плетущуюся группу самолетных скандалистов. Жара и выпитое спиртное, похоже, доконали их больше, чем ранний подъем и длительное путешествие.

Сели в автобус, который тут же тронулся по знакомому маршруту. Загуляли сквозняки, а на зубах, как и много лет назад, привычно захрустела песчаная пыль. Казалось, за годы моего отсутствия ничего здесь не изменилось. Но теперь я смотрел на проплывающий унылый пейзаж иными глазами. Исчезло чувство обреченности, которое охватывало меня всякий раз, когда возвращаясь из очередного отпуска, осознавал, что следующий лишь через год. Сейчас же я прилетел сюда ненадолго – выполнить конкретную работу и максимум через две недели покинуть этот суровый край.

Нас с Сережей поселили в двухместный номер. Он ничем не отличался от такого же, в котором я когда-то прожил здесь несколько лет. Правда, в этом был старенький работающий холодильник. Прогресс. К тому же в холодильнике неожиданно обнаружили большой кусок мяса.

– Повезло, – обрадовался Сережа.

– У мяса наверняка есть хозяин, – отметил я очевидный факт.

– Ну и что. Скажем, не было никакого мяса.

– Запах, Сережа, выдаст нас с головой.

– А что у нас не может быть своего мяса?

– Конечно, может, – вынужденно согласился с ним.

Меж тем Сережа открыл свой рюкзак и высыпал из него гору картошки.

«Запасливый. Полмешка спецрейсом доставил», – подумал я.

– Давай пока чисти, а я пока немного побегая, – удивил он меня своим странным предложением и начал быстро переодеваться в спортивную форму.

– Сережа, столовая открыта. Какие проблемы?

– В столовой платить надо, а здесь все бесплатно.

– Как бесплатно? – снова удивил он меня.

– С овощехранилища приташил... К командировке готовился, – заулыбался Сережа, – А тут еще с мясом повезло. Ну, ладно, я побежал, – и он бодро вышел из комнаты, а я принялся чистить картофель и жарить мясо. Заодно выгрузил то, что мне собрала в дорогу Татьяна – перекусить в самолете.

Минут через сорок, когда вернулся Сережа, ужин был почти готов.

– Ну, и далеко бегал? – поинтересовался у спортсмена-любителя.

– До третьего подъема.

– Да ты что! – удивился я.

– Нормальная пробежка. Я и больше бегаю, – и Сережа рассказал мне о своем увлечении бегом, о клубе «Муравей», в котором он был одним из лидеров и еще о многом интересном из области легкой атлетики. Я никогда не увлекался этим видом спорта, но его рассказы оставили тогда заметный след в моем подсознании.

– А вы что апельсины едите? – удивился Сережа моему угощению из традиционного Таниного набора.

– Странный вопрос... А ты что с ними делаешь?

– Мы их только детям даем. Сами не едим.

Данилов встретил меня как старого знакомого.

– Шабаров уже звонил. Просил помочь, – сообщил он после взаимных приветствий, – Работай в моем кабинете. Можешь пользоваться телефонами. Если надо связаться с Евгением Васильевичем, попроси секретаря.

Он выделил мне помощника, с которым мы тут же отправились на место. Пролеты МИКа произвели удручающее впечатление. Пусто, гулко, грязно. Множество бойцов стройбата с носилками, лопатами и метлами. Одним словом, типичная стройплощадка.

Данилов с пониманием отнесся к идее автоматизации наших в сущности опасных проверок, а потому принял все мои предложения. За два дня мы не только выбрали удобные помещения для наших пультовых, но и оформили все необходимые документы, узаконив наш выбор. Других поручений у меня не было, а потому собрался улететь ближайшим рейсом. Увы, это оказалось не просто. Списки улетающих давным-давно были составлены. Вакансий не было. Обратился к Данилову.

– Что ты так стремишься домой? Отдыхай, раз представилась такая возможность... Съезди на десятку. Посмотри, как мы здесь живем... Улетишь в свой срок... Хоть за полмесяца зарплату тебе начислят с коэффициентом... Да и командировочные капают... А еще я тебя в свой премиальный список включу – ты же нам здорово помог, Анатолий, – успокаивал меня Данилов.

Конечно же, он мог бы ускорить мой отлет, но для этого нужны были веские причины. Ведь меня могли отправить, лишь сняв кого-то с рейса. Похоже, Данилов не любил оказывать подобные услуги в ущерб другим людям. И я смирился с вынужденным «отпуском».

Для начала решил посетить родную часть. С трепетом подошел к знакомой проходной и молча показал пропуск. Как ни странно, пропустили. Значит, действительно поставили «вездеход», а я думал, шутили, оформляя заявку.

Прошел прямо в казарму и поднялся на второй этаж, где располагалась комната офицеров.

– Вы к кому? – спросил дневальный.

– Я здесь служил четыре года назад, – ответил ему. Дневальный с любопытством посмотрел на меня и вызвал дежурного.

– Зарецкий! Как ты здесь оказался? – окликнул внезапно возникший откуда-то Гена Соколов.

– Да вот, Гена, ЦРУ забросило, а ты обнаружил. Придется ликвидировать, – с серьезным видом тихо сказал ему и мгновенно обнял так, что он не смог шевельнуться. Почувствовав себя в капкане, Гена на секунду сдрейфил, но тут же пришел в себя и заулыбался.

– Шутишь как всегда? – неуверенно спросил он.

– Как это ты, Гена, догадался? – выпустил его из объятий, опасаясь неадекватной реакции. Гена всегда соображал туго и сдуру мог припечатать так, что пришлось бы лечиться. Обошлось, – О-о-о! Да ты, Гена, уже до капитана дослужился. Поздравляю, – заметил я изменения на его погонах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.